

The poster features a large, close-up portrait of Olga Volodarskaya with light blue eyes and hair, looking directly at the viewer. The background is a composite image showing a snowy mountain peak, a small airplane flying in a blue sky, and a European-style town square with a church and red-roofed buildings. In the foreground, there are red and white flowers. A red circular badge in the top left corner contains the text 'НИКАКИХ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ'. At the bottom, the artist's name 'О Л Ь Г А ВОЛОДАРСКАЯ' is written in red, with the title 'ХРУСТАЛЬНАЯ ГРОБНИЦА БОГИНИ' below it in black and red.

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

ХРУСТАЛЬНАЯ ГРОБНИЦА БОГИНИ

Ольга Геннадьевна Володарская

Хрустальная гробница Богини

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168484
Хрустальная гробница Богини: Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-29706-1*

Аннотация

Эва была не просто моделью, а БОГИНЕЙ глянцевого журналов, властительницей душ фотографов, идолом сотен тысяч женщин и мечтой миллиона мужчин. Эве поклонялись, ее обожали, ей подражали. Конечно, многие завидовали и недолюбливали ее. Но один человек ненавидел. Ненавидел так сильно, что собирался убить. Естественно, это была женщина. Женщина с множеством имен! За свою полную кошмаров жизнь она ни один раз их меняла... Но сама предпочитала называть себя Фемидой – богиней правосудия. Когда-то давно она вынесла ве приговор и многие годы шла к тому, чтобы привести его в исполнение. И вот – момент настал! Та, кого она приговорила, в ее власти... А вместе с ней еще двенадцать человек, сопровождавших БОГИНЮ во всех поездках... Они не виноваты... Но все равно умрут! Ве до единого, потому что по-другому нельзя...

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	60
Глава 4	86
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Ольга Володарская

Хрустальная гробница Богини

*Жилой комплекс «Горный хрусталь» и все произошедшие в нем события – вымысел автора.
Как и все персонажи этой книги.*

Часть I

Глава 1

Неопознанный летающий труп

Эва проснулась от собственного храпа. Раскатистого, громкого, kloкочущего, с хрюканьем на вдохе и кряканьем на выдохе. Так мог храпеть столетний старик или гайморитчик, но только не молодая здоровая женщина, к коим Эва относилась. Но она храпела! После не очень удачной ринопластики позорное хрюканье-кряканье вылетало из нежного Эвиного рта каждую ночь. Позорное, потому что эти раскатистые трели не вязались с ее имиджем САМОЙ ПРЕКРАСНОЙ ЖЕНЩИНЫ НА СВЕТЕ и титулом БОГИНИ, присва-

иваемым ей из года в год читательницами журнала «Эль».

Эва привстала с кресла, чтобы проверить, не слышал ли кто жутких звуков, но, на ее счастье, все пассажиры самолета спали. С облегчением переведя дух, она опустилась обратно на сиденье, наклонилась, чтобы поправить плед, сползший на пол, и тут же уперлась огромными силиконовыми грудями в спинку впереди стоящего кресла.

«Черт, черт, черт! – выругалась Эва мысленно. – Зачем я согласилась на эти дыни? Со среднестатистическим вторым было бы гораздо удобнее!» Но Дуда, ее агент и лучшая подруга, настояла на четвертом, внушив своей подопечной мысль о том, что если она с возрастом поправится хотя бы на пару килограммов, то со своим вторым будет похожа на клизму. А так как Эва всю жизнь мечтала иметь фигуру под названием «песочные часы», то согласилась на кошмарные по размеру имплантаты. Теперь мучается!

Стоило Эве втиснуть свои груди между креслом и коленями и схватить наконец плед, как к ней на плечо опустилась рука с устрашающе длинными, матово-черными, украшенными стразами ногтями.

– Дуда, как ты меня напугала! – выдохнула Эва, хватаясь за сердце. – Ты чего бродишь?

– Я должна тебе кое-что сказать... Что-то нехорошее...

– Ты слышала, как я храпела? – опасливо протянула она. – Или кто-то другой слышал?

Дуда отрицательно замотала головой и трагическим ше-

потом выдала:

– У нас страшное несчастье...

Зная, как Дуда любит драматизировать, Эва сразу решила, что «страшное несчастье» окажется всего лишь мелкой неприятностью, посему спокойно поинтересовалась:

– Что-то с гримом?

– Хуже, – выдохнула Дуда. – Пошли... Только тихо, чтоб никого не разбудить...

Эва осторожно сползла с кресла, шагнула в проход и пошла за Дудой в хвост салона.

Самолет, на котором они летели, был маленьким, поднимающим на борт не больше пятнадцати пассажиров. Принадлежал он компании «Дары Севера», специализирующейся на изготовлении и продаже меховых изделий, кои Эва должна была рекламировать в течение ближайшего года. Гонорар ей посулили немислимый, из-за чего она, собственно, и согласилась работать на малоизвестную фирму – в последнее время она сотрудничала только с гигантами косметической индустрии и сетью ювелирных магазинов «Диамант». Всякие мелкие заказчики, типа провинциальных шоколадных фабрик, пивных компаний из ближнего зарубежья, китайских фирм – производителей бытовой техники, только мечтали о том, чтобы их товар рекламировала САМАЯ ПРЕКРАСНАЯ ЖЕНЩИНА НА СВЕТЕ. Но они не могли себе этого позволить, так как Эва была не просто «вешалкой» или безликой куклой из каталога – она была богиней глянцевого

журналов, властительницей душ фотографов и идиолом тысяч начинающих моделек...

Но генерального директора «Даров Севера» не смутил ни ее статус, ни сумма затребованного гонорара. «Нашей компании нужны именно вы!» – сказал он, подписывая контракт, где фигурировали цифры с шестью нолями. Было только одно условие, на котором заказчик настаивал: съемки рекламного ролика и фотосессия должны проходить в определенном месте, а именно в поместье владельца фирмы (расположенном не на севере, как следовало ожидать, а на юге: где-то в горах Кавказа). Как раз туда они сейчас и направлялись. Они – это Эва со своей привычной свитой и команда рекламщиков, к которым присоединилась то ли ассистентка, то ли секретарша хозяина фирмы. А так как вылететь пришлось в четыре ночи, все уснули сразу после посадки, и теперь, идя по проходу в хвост салона, Эва слушала разнотональное похрапывание.

– Куда ты меня привела? – шепотом спросила Эва, закончив путь у туалета – именно он находился в хвосте салона. – В сортир?

Дуда, ни слова не говоря, взяла Эву за плечи, развернула на пол-оборота и подтолкнула к стоящему особняком креслу. На нем сидел мужчина, лицо которого скрывали длинные нечесанные волосы, упавшие с затылка на лоб и спускавшиеся до середины груди.

– Вот, – коротко сказала Дуда, ткнув в незнакомца паль-

цем.

– Что «вот»? Это наше страшное несчастье? Какой-то спящий бомж? – Эва не без брезгливости покосилась на грязнущие джинсы мужчины и вытянутые резинки его несвежих носков. – Да, я понимаю, человек этот мало приятен, но зачем же драматизировать...

Дуда шагнула к мужчине, убрала с его лица волосы. И тут Эва увидела то, что так напугало подругу: огромную рану на шее, из которой на грудь натекло кровавое пятно, похожее на манишку. Зрелище было кошмарным!

– О господи! – Она отшатнулась. – Что с ним?

– Мертв.

– Конечно, мертв! – раздался за их спинами молодой мужской голос. – С такой раной долго не протянешь!

Когда Эва обернулась на голос, то увидела перед собой высокого парня с мелированным чубом и тщательно ухоженной щетиной – он вскочил с ближайшего кресла.

– Привет, – бодро проговорил парень. – Меня зовут Аполлон. Можно просто Пол.

Эва и Дуда растерянно кивнули. Аполлон же шагнул к покойнику и принялся рассматривать рану. По прошествии минуты он вынес вердикт:

– Подошли сзади, задрали голову, чиркнули по шее острым ножом... А вот и он! – Пол подошел к столику, уставленному посудой: тарелками, чашками, фужерами, графинами, в одном из них, наполненном апельсиновым соком, ру-

кояткой кверху торчал нож. — Для резки фруктов... Самый острый из имеющихся в наличии...

Дуда потянулась к рукоятке, чтобы рассмотреть оружие убийства, но Пол перехватил ее руку:

— Нельзя! Вдруг остались отпечатки!

— Да, действительно, — растерянно протянула Дуда, отдергивая руку. — Я не подумала об этом...

— Вы знаете, кто этот чувак? — спросил парень, указывая на тело.

Дуда наклонилась к мертвецу, отдернув штору из волос, посмотрела в его лицо и покачала головой:

— Нет, он не из нашей команды.

— И не из нашей.

— А вы, собственно, кто? — Дуда смерила Пола не очень почтительным взглядом. — Стюард, что ли?

— Я модель, — с достоинством изрек тезка греческого бога. — Но временно работаю менеджером в «Мехах России».

— В качестве кого же вы летите? — подала голос Эва. — Модели или менеджера?

— Понимаете, в чем дело... — Он облизнул языком пухлые губы. — Наша хозяйка...

— «Дарами Севера» владеет баба? — не поверила своим ушам Дуда. — А мне сказали, какой-то старый английский хрыч...

— Он умер в прошлом году. И фирма перешла по наследству его жене — Элене Рэдрок.

– Она тоже англичанка?

– Понятия не имею. Я ее ни разу не видел. Даже на конкурсе красоты ее не было – вместо себя помощницу прислала. Очкастую такую... Она и сейчас с нами... – Он пошарил взглядом по салону и, отыскав глазами спящую в одном из кресел их ассистентку, добавил: – Вон она.

– А что за конкурс? – полюбопытствовала Дуда. – И почему ваша хозяйка должна была на нем присутствовать?

– Потому что именно она решила провести его. Дала указания генеральному, чтоб устроил конкурс красоты среди работников фирмы. Главный приз – тысяча долларов и возможность сняться в рекламе с самой Эвой...

– И ты, значит, его выиграл?

– Да! Теперь главная мужская роль в клипе моя.

– Я что-то не припомню, чтобы в сценарии фигурировал какой-то парень... – Эва вопросительно посмотрела на Дуду. – А ты?

– А я помню. Во втором эпизоде тебе должен подать шубу слуга-якут. Он, наверное, будет его играть.

– Кого-кого я буду играть? – хмуро переспросил Пол.

– Чукчу из obsługi.

– Мой дедушка-грузин перевернется в гробу, – простонал он.

– Так ты грузин?

– Да. По отцовской линии. Моя фамилия Горидзе.

– А имя почему греческое?

– У меня деда Аполлоном звали. И его деда. Так что никакое оно не греческое. Обычное грузинское имя...

Тут женщина, спящая в ближнем кресле, завозилась, и Пол резко замолчал. Приложив палец к губам, он приказал Эве с Дудой последовать его примеру. Девушки послушно притихли, стараясь даже дышать через раз. Когда пассажирка уgomонилась, Пол заговорил почти беззвучным шепотом:

– Значит, вы не знаете, кто наш жмурик?

– Я понятия не имею, откуда он взялся в самолете, – ответила Дуда. – Я знаю всех ребят из съемочной группы, он не с ними...

– Он не с ними, не с вами, не с нами, тогда с кем?

Эва призадумалась. В отличие от Дуды она не смогла бы узнать каждого из членов съемочной группы (все осветители и помрежи были для нее на одно лицо), но верила ей на слово. Значит, мертвый парень не рекламщик. И не представитель заказчика, за это поручился Пол. Не стилист, не парикмахер, не костюмер, не инструктор по йоге – уж своих-то придворных супермодель знала прекрасно, как-никак не первый год таскает за собой во все поездки. Кто остается? Команда: два пилота и стюардесса... Мертвец точно не стюардесса, но и на пилота не тянет. Значит, какой-нибудь механик или техник.

– Может, он член экипажа? – озвучила свое предположение Эва. – Какой-нибудь механик...

– Не смейся мои коленки! – фыркнула Дуда. – Его лохмы

и фени на запястьях говорят о принадлежности к богеме... И руки у него нежные, как у пианиста! Или фотографа...

– Я поняла, – выдохнула Эва. – Как ты про руки фотографа сказала... Это новый ассистент Матильды. Как мы про нее-то забыли?

– Кто такая Матильда? – встрял Пол.

– Фотограф. У нее жуткий характер, вот от нее все помощники и бегут. С ней никто не хочет работать еще и потому, что платит она мало, а требует много, в том числе секса после каждой фотосессии...

– Для ассистента наш жмурик староват, – засомневалась Дуда. – Ему далеко за сорок!

– А мне показалось, не больше тридцати, – сказал Пол.

– У него просто рожа детская. Но башка вся седая, и морщин полно.

– Когда только разглядеть успела? – поразилась Эва.

– У меня глаз – алмаз, сама знаешь.

– Я тоже не могу пожаловаться на зрение, но лица я даже не увидела... Эта рана... Я смотрела только на нее... – Эва шумно вздохнула. – Надеюсь, при жизни он был не очень красив... Мне особенно жалко молодых и красивых...

– Да какой там! – Дуда закатила глаза. – Толстощекий, небритый, нос пуговкой, а на щеке бородавка...

– Бородавка?

– Ну родинка висячая... – Она передернулась. – Гадкая такая! С волосами!

Услышав о волосатой родинке, Эва вздрогнула. Помнится, знавала она когда-то человека с подобной... Его звали Кешей. Он был отличным фотографом, ее другом и врагом – точнее, сначала другом, потом врагом. Насколько ей было известно, сейчас он сидит в тюрьме, но, кто знает, может, его выпустили...

– Дудочка, – осторожно спросила Эва, – а тебе лицо этого мертвеца не показалось знакомым?

– Показалось, знаешь ли... – Дуда с сомнением посмотрела на покойника. – Только не пойму, где я его раньше могла видеть...

– А ты посмотри еще раз, – предложил Пол. – Вдруг узнаешь...

– Правильно, – кивнула головой Дуда.

Она подошла к покойнику, убрала с его лица волосы и, придерживая их рукой, стала рассматривать мертвые черты.

– Нет, не знаю, – досадливо протянула она. – Знакомое что-то... Но никак не могу вспомнить, где видела... Может, когда на съемках пересекались...

– Пусть Эва тоже посмотрит, – внес очередное предложение Пол. – Не исключено, что у нее память лучше...

– Нет, нет, нет, – запротестовала Эва. – Я не хочу! Это так ужасно!

– Надо, девочка моя, – отрезала Дуда, отходя в сторону и указывая на лицо покойника. – Что скажешь?

– Какая кошмарная рана...

– Да ты не на нее смотри! А на физиономию!

Эва перевела взгляд на лицо мертвеца. Полное, довольно приятное, морщинистое у глаз, с безвольным подбородком, покрытым мягкой желтоватой бородачкой, с маленьким ртом, выпуклой родинкой...

– Я знаю его, – прошептала Эва, разглядев все черты до единой. – Он сильно изменился, постарел, потолстел, но я узнаю его...

– И кто это? – с любопытством спросил Пол.

– Это Кеша. Человек, который сделал из меня БОГИНЮ...

Глава 2

До того, как стать БОГИНЕЙ

Эва не родилась красавицей – синюшный комочек с тонюсенькими ножками пугал своей чахлостью даже мать. И ребенком она была посредственным: худым, головастым, часто моргающим. Подросток из нее вышел и того хуже: длинный, нескладный, угловатый, с прыщами на лбу. Вступив в пору половой зрелости, Эва немного расцвела – округлилась, помилела, лицо очистилось. Свое совершеннолетие разменяла уже в статусе «приятной девушки», коей оставалась до двадцати одного года, то съезжая к «дурнушке», то подтягиваясь к «симпатяге».

Родилась и выросла она в Митине. Окончив школу на четверочки, поступила в педучилище (там был самый маленький конкурс, вот и пошла), отучилась в нем два года, защитила диплом. Получив корочки на руки, забросила на самую верхнюю полку антресоли и больше о них не вспоминала. Преподавание оказалось не ее призванием. А что было ее, она и сама не знала. Ребенок без талантов – так о ней говорили все, включая отца, который сам отличался чрезмерной одаренностью: и рисовал, и играл на гитаре, и пел, и пек самые вкусные на свете пироги. Но Веля (именно так ее звали родные) пошла в мать, на редкость бездарную женщину, однако в отличие от нее была весьма посредственна внеш-

не: матушка отличалась небывалой привлекательностью, за что, собственно, ее любил муж, а также сосед по лестничной клетке, к которому она в итоге ушла от своего талантливого супруга...

Веля окончила училище в девятнадцать. Два года сидела у родителей на шее, подрабатывая распространением биодобавок, пока мать не пристроила ее в косметический магазин своей старой приятельницы.

Магазин только готовился к открытию. Продавщицы пока расставляли товар по полочкам, а его хозяйка Маргарита Павловна занималась организацией презентации, на которую, кроме гостей, пригласила еще и профессионального фотографа.

В день открытия продавщицам выдали униформу: хорошенькие корсетные платица и цветные парики. Веле достался черный. А так как от природы она была желтоглазой шатенкой, то смоляные волосы ужасно не шли к ее бледному лицу. Пришлось девушке ярко накраситься: нарисовать брови, обвести глаза, а губы сделать вишневыми. Сделав непривычный макияж, Веля встала перед большим зеркалом и, внимательно рассмотрев свое отражение, констатировала:

– Я стала похожа на проститутку...

– Ты стала похожа на человека, – не согласилась с ней одна из коллег. – Тебе очень идет. Посмотри, когда акцент на глазах и губах, незаметно, что у тебя длинный нос!

– Только с грудью надо что-то сделать, – подала голос дру-

гая. – Корсет предназначен для того, чтобы утягивать талию и поднимать грудь. С талией у тебя все в порядке, а вот поднимать нечего...

– И что же делать? На пластическую операцию нет ни денег, ни времени...

– Ничего... Мы тебя сейчас за две минуты прооперируем. И совсем бесплатно. – Она отстегнула от своей кофточки плечики, сунула их в вырез Велиного платья со словами: – Поролон – это силикон для бедных! Рекомендую...

Веля хотела вытряхнуть из выреза этот «силикон», а лицо умыть, но тут в подсобку заглянула Маргарита Павловна и зычно крикнула:

– Девки, на выход! – Увидев, что Эвелина замешкалась, она рывкнула: – И быстро! Фотограф ждет!

Он и вправду ждал: стоял в зале с нацеленным фотоаппаратом. Аппарат был отличным («Никон» с большим объективом), а фотограф плохеньким: щуплым, маленьким, с куцым хвостиком на затылке, желтоватой щетиной, бледным ртом, близорукими глазами и противной волосатой родинкой на щеке... И одет был как-то бедно: в джинсики потертые, кеды стоптанные, рубашонку фланелевую и куртку из кожзама. Даже не верилось, что он профессиональный фотограф экстра-класса (именно так отрекомендовала его Маргарита Павловна).

– Ну-ка, девицы, улыбнитесь! – вскричал он, увидев девушек сквозь призму фотоаппарата. – Дядя вас щелкнет!

«Девицы» послушно растянули рты. И только Эвелина сомкнула губы и отвернулась – она не любила фотографироваться. Но она все же попала в кадр! И в тот миг, когда изображение неумело накрашенной продавщицы перенеслось на пленку, колесо Фортуны со скрипом повернулось в Велину сторону. Судьба ее была предрешена. Теперь ей оставалось подождать два дня, чтобы узнать об этом...

* * *

Когда Эвелина пришла на работу после выходных, ее сразу позвала к себе в кабинет Маргарита Павловна.

– Ну, девонька, поздравляю, – сказала она, как только Веля появилась на пороге. – Тобой заинтересовался фотограф... – Маргарита Павловна кинула через стол глянцевый снимок. На нем была изображена сурово нахмуренная Эвелина. – Сказал, что у тебя необычное лицо. Просил тебя приехать к нему в студию. – Она перевернула фотографию, на обратной стороне которой обнаружилась записка, и ткнула в нее пальцем: – Вот адрес. Поезжай прямо сейчас. Я тебя отпускаю.

– Но это какая-то ошибка...

– Я тоже так думаю. Но съездить ты должна. Я этому заморышу с «Никоном» обещала... Так что дуй давай! – Она махнула рукой. – Но завтра чтоб была на работе!

И Веля дунула.

Студия располагалась на станции метро «Первомайская». В грязно-желтом девятиэтажном доме, что стоял в двух шагах от подземки.

Веля зашла в первый подъезд, поднялась на последний этаж, постучала в дверь под номером 36 – звонка она обнаружить не смогла.

Открыли не сразу, а только спустя несколько минут.

– Кого тебе? – не приветливо спросил хозяин квартиры, вырисовываясь на пороге.

– Вас, – растерянно протянула Веля.

– Ну и чего тебе от меня надо?

– Вы хотели видеть вот эту девушку? – спросила она и показала ему свою фотографию.

– Хотел, а тебя на кой черт прислали? Сказать, что она не сможет прийти? Так можно было бы позвонить...

– Она – это я.

– Не понял...

– На снимке я! – Веля стукнула себя кулаком в грудь. – Я, понятно?

Фотограф отошел на шаг, прищурился.

– Не может быть, – отрезал он. – Я знаю, что некоторые дурнушки могут прекрасно получаться на фото, но чтоб такая серая мышь выглядела королевой...

Обиженная Эвелина развернулась, чтобы уйти, но фотограф схватил ее за локоть и втащил в квартиру.

– Тебя как зовут? – спросил он, едва девушка оказалась

в прихожей.

– Эвелина.

– Давно себе такое имя придумала? – хмыкнул он.

– Меня так зовут, хотите, паспорт покажу?

– Хочу.

Веля сунула ему в нос свой паспорт.

– Ну ваще... класс! – выдохнул неверующий фотограф, изучив все его страницы. – Эвелина! Готовый псевдоним для модели... А меня Иннокентий... Можно Кеша и на «ты».

– Очень приятно, – буркнула Веля.

А Кеша тем временем нырнул в комнату и крикнул уже оттуда:

– Иди сюда! Сейчас фотографироваться будем...

Веля проследовала за Кешей в пятнадцатиметровое помещение, уставленное диковинной аппаратурой.

– Это мое фотоателье, – сказал Кеша, кидаясь к треноге, на которой был закреплен давешний «Никон». – Я сейчас ищу новое лицо. Те девушки, которых все снимают, до того похожи, что смотрятся как сестры... Банальные красотки всем надоели. Посмотри, что на Западе творится. Евангелиста, Терлингтон, Кэмпбелл – они небезупречны, но как хороши! Линда вообще не женщина, а сказка! В жизни такая никакая, но на фото... Богиня! – Кеша выставил свет, приладил какие-то зонтики, очень похожие на те, с которыми старушки ходят летом, чтобы спрятать свои морщинистые лица от солнца. – А у меня сейчас заказ от фирмы, произ-

водящей бижутерию и прочие аксессуары... Побрякушки у них экзотические: всякие перья, железяки витые, куски кожи. Их должна рекламировать особая девушка. Непохожая на всех... – Он указал Веле на стул, стоящий в центре освещенного пятачка: – Садись.

Она села.

– Я сейчас «Полароидом» щелкну, чтоб на пробу... Потом посмотрим, стоит на тебя пленки тратить или нет. – Он вскинул фотоаппарат. – Распусти волосы, прими непринужденную позу... Так. Не улыбайся, только приоткрой рот...

Веля сделала все, как велели. Послышался щелчок, затем вжиканье – это выехал снимок. Спустя минуту раздался недовольный Кешин голос:

– Так я и знал...

– Что? Плохо? – взволнованно спросила Веля.

– Отвратительно, – отрезал он. – Может, дело в цвете волос, ты же брюнеткой была... Или в макияже... Сейчас проверим...

С этими словами он бросил в руки Эвелины косметичку и скомандовал:

– Накрасься, как в прошлый раз, а я пока тебе парик найду.

Веля быстренько «нарисовала лицо», а Кеша, не нашедший парика, натянул ей на голову черную шляпу. После этого он отошел на шаг назад и придиричиво осмотрел потенциальную модель.

– Уже лучше, – резюмировал он. – Но женщина с таким чувственным лицом не может иметь нулевой размер. – Он кивнул Веле: – У нас ведь нулевой?

– Первый, – обиделась она.

– Не надо себе льстить, девушка. Нулевой!

– Я лучше знаю какой. Я же себе лифчики покупаю, а не вы!

– Ладно, без разницы. Нам нужен минимум второй. Силикончику бы тебе закачать...

– Поролон – силикон для бедных, – процитировала Веля коллегу. – Рекомендую... – И, вытащив из-под бретелек лифчика плечики, засунула их в чашечки.

– Отличненько! – обрадовался Кеша. – Теперь можно снимать!

И фотосессия началась!

* * *

Вновь с Кешей Веля увиделась спустя неделю.

– Как дела? – спросил он, влетев в магазин и остановившись у прилавка, за которым Эвелина стояла.

– Нормально, – сказала она, пожав плечами. – А у тебя?

– А у меня отлично! – Кеша зачем-то схватил ее за плечи, притянул к себе и смачно чмокнул в губы. – У тебя, между прочим, тоже! Скоро ты станешь богатой и знаменитой! Тебя выбрали из сотни других девушек. С тобой хотят заключить

контракт! Ты станешь новым лицом фирмы «Чанг», фирмы, которая производит самую модную бижутерию и открывает в Москве свой первый магазин. – Он возбужденно потер руки. – Так что пиши заявление об уходе.

– Но зачем же сразу уходить? Разве нельзя сниматься без отрыва от работы? Я могла бы приходить в твою студию в свои выходные...

– Нет! Мы не можем тратить драгоценное время на всякую ерунду! Тебе двадцать один, это очень много. Некоторые в этом возрасте уже заканчивают. А ты начинаешь, у нас каждый день на счету! – Он кинул ей ручку. – Пиши, ты не пожалеешь! Завтра у тебя начнется новая жизнь!

Она накорябала (руки безбожно тряслись) заявление об уходе, обалдевшая Маргарита его тут же подписала. И Веля ушла из магазина, чтобы никогда туда не возвратиться.

На следующий день новая жизнь действительно началась. Причем с еще одной Велиной подписи – на контракте, согласно которому Иннокентий Сидорович Станков становился ее продюсером.

– Я тиран и деспот, – сразу предупредил он. – Я буду контролировать каждый твой шаг, но знай, что это только для твоего блага. У нас общая цель – сделать тебя БОГИНЕЙ, а для этого надо много работать и слушать дядю Кешу.

Она была согласна и на то и на другое, уж очень хотелось стать БОГИНЕЙ.

Съемки для «Чанга» начались через неделю. Прошли они без особых проблем, так как Кеша в студию не допустил ни единого человека (даже свет выставял сам), парикмахеры и стилисты готовили модель в отдельной комнате, на съемочную площадку им вход был заказан. Делалось это не только для того, чтобы лишний раз не нервировать Эву, но и по другой причине – Кеша боялся, как бы посторонние не заметили ее неопытности. Он раззвонил всем о том, что Эва два года проработала в Бразилии, имела там огромный успех, а в Россию приехала лишь из любви к нему, Иннокентию Станкову, и фирме «Чанг».

На самом же деле Кешу раздражала неопытность модели. Он то и дело покрикивал на нее, обзывал «коровой», а иногда бросался к ней, дабы поставить ее так, как ему хотелось и как она сама встать не могла.

– Запоминай все, что тебе говорю, – твердил он, щелкая фотоаппаратом. – Запиши, если память дырявая, и выучи, как Талмуд...

– Как я запишу, если я позирую?

– Сделай это после съемки... Возьми тетрадочку, ручечку с двумя пастами, одной будешь писать, другой подчеркивать... И не сиди так! – кричал он, забыв о спокойном учительском тоне. – У тебя нулевой, а ты еще сутулишься! Грудь

вперед, и сожми немножко ее предплечьями, чтоб ложбинка появилась... Вот так! А лицо запрокинь. Помни, с таким носом, как у тебя, нельзя опускать подбородок! Вспомни фотографии Марлен Дитрих. Или Плисецкой. Эти женщины знали, как повернуться к камере, чтобы их носы казались греческими...

Эва послушно запрокидывала лицо, распрямляла спину, сжимала груди, но Кеша все не отставал:

– Не улыбаться! Рот приоткрыть, чтобы зубы поблескивали, и все! Когда ты лыбишься, у тебя кончик носа опускается, как у курицы, неужели ты этого не замечала? Стоп! Вот так замри! – Он истово жал на кнопку. – Отлично! Просто здорово! Когда ты злишься, ты становишься похожей на кошку! Я запомню это. Запомни и ты!

И она запоминала. Каждое Кешино слово, каждый поворот своей головы, каждую мысль, проносящуюся в ней, – оказывается, мысли тоже играют свою роль.

Получив первый гонорар от «Чанга», Кеша снял квартиру в центре. Состояла она из трех комнат: гигантского зала-студии и двух маленьких спален. В одной поселилась Эва, в другой Кеша, чтобы контролировать каждый шаг своей подопечной.

Второй заказ на фотографии Эвы Кеша (согласно контракту только он имел право снимать ее) получил через месяц. Третий спустя неделю. Четвертый сразу же за третьим... Пятый был поистине фантастическим: портрет для облож-

ки модного женского журнала; шестой неожиданным: фотосессия на промышленной свалке для мужского журнала; седьмой победоносным: «Чанг» поручил Эве рекламировать сумки и перчатки. Таким было начало, продолжение оказалось еще более триумфальным.

Спустя полгода «Чанг» заключил с Эвой долгосрочный контракт, что обеспечило молодой модели и ее продюсеру стабильный доход в течение трех лет. При этом девушка своих денег не видела. Кеша не давал ей ни копейки! То есть все гонорары он сразу пускал в дело: покупал новую аппаратуру, реквизит, платил за квартиру, продукты, машину, взятую в аренду у какого-то знакомого. Когда Эва робко просила у него пару сотен на мелкие расходы, он показывал ей кукиш. И даже средства личной женской гигиены покупал сам!

* * *

Прошло три года.

За это время Эва стала самой модной фотомodelью России. А так как она не тусовалась, не светилась, не мелькала, не давала интервью, то и самой загадочной. Дама-фантом, именно так ее стали называть журналисты. Некоторые предполагали, что Эва не реальная женщина, а компьютерная программа – виртуальная девушка, типа Лары Крофт. Другие считали ее фотомонтажом (губы Клаудии, нос Кристи, глаза Линды, скулы Наоми), третьи продуктом пластических

хирургов наподобие Майкла Джексона. И все они осаждали Кешу, уговаривая продюсера явить миру свое чудо. Но он только посмеивался и кормил прессу «завтраками». В итоге кое-кто из журналистской братии решил, что Эва психбольная (свихнувшаяся после конкурса красоты, на котором она заняла лишь второе место), что ее держат в элитном дурдоме, выпуская только на несколько дней, чтобы сфотографировать.

А между тем Эва жила все в той же маленькой комнатке квартиры-студии. Личной жизни у нее не было – Кеша запретил ей встречаться с мужчинами. Нервотрепки, стрессы, недосыпания, связанные с отношениями, могли плохо сказаться на ее внешности. А незапланированная беременность на карьере!

За эти годы Эва практически не изменилась – оставалась все той же приятной, неброской девушкой с хвостом каштановых волос на затылке, зато Кеша похорошел. Он стал модно одеваться, регулярно бриться в парикмахерской, купил себе перстень, запонки, портсигар и величать себя приказал не Кешей, даже не Иннокентием, а И-Кеем. И на своих визитках велел отпечатать: «Продюсер. Фотограф. Царь и Бог. И-Кей». Вместе с именем поменялся и стиль его жизни. Теперь бывший Кеша пил только коньяк, курил сигары и кальян, девочек водил не в смежную с Эвиной спаленку, а в отдельную квартиру, снятую специально для свиданий. Он стал играть на бирже. Ходить в гольф-клуб. И что самое по-

разительное – подавать нищим.

Лишь в одном он не изменился – по-прежнему не давал Эве наличных денег. Все, что она зарабатывала, тут же превращалось в вещи, продукты, украшения. Теперь Эва имела квартиру, машину и кучу акций какого-то холдинга. Правда, в квартиру Кеша временно поселил какого-то своего родственника, на автомобиле «Мицубиси Паджеро» гонял сам, а акции, которых девушка в глаза не видела, хранил в банке. Зато у нее была полная шкатулка драгоценностей – их господин продюсер покупал с каждого гонорара. Цепочки, кольца, колье, серьги, они лежали в сейфе их квартиры-студии, грея душу своей хозяйки. Она тешила себя мыслью, что, если ей когда-нибудь захочется бежать из своей комфортабельной тюрьмы, будет что прихватить с собой...

Как-то вечером Кеша прибежал домой в неопишемом волнении. В его руках была зажата газета «Комсомольская правда», которой он остервенело размахивал над головой.

– Я нашел ее, нашел! – вскричал он, кидаясь к Эве.

– Кого? – не поняла она.

– Еще одну БОГИНЮ! Смотри! – Он развернул газету и сунул ей под нос цветную фотографию, отпечатанную на последней странице. На ней была изображена миниатюрная черноволосая татарочка, очень симпатичная, яркоглазая, скуластая, большеротая. Эве она понравилась, но она решительно не понимала, почему Кеша назвал ее богиней. – Смотри, какая красotka! Просто ацтекская богиня!

– Миленькая, – промямлила Эва, ощутив даже не укол, а скорее удар ревности.

– Ну ты скажешь! Она не миленькая, а обалденная! Сногшибательная! Божественная! Я должен заполучить ее, пока этого не сделал кто-то другой!

– «Заполучить», это как?

– Привезу ее сюда и стану лепить из нее богиню... Как когда-то из тебя.

– Ка-ка-как из меня? – заикаясь, проговорила Эва.

– Пока открыл только тебя! За четыре года создал лишь одну БОГИНЮ! Меня уже прикалывают журналисты. Есть, говорят, артисты одной роли, а И-Кей создатель одной звезды. Он, наверное, уже и снимать разучился. Эву сфотографировать любой дурак сможет, она же безупречна хороша! Это ты-то хорошая! Да знали бы они...

Тут в кармане его пиджака запиликал мобильный телефон (жутко дорогая модель, привезенная из Швеции его партнером по гольфу). Кеша поднес его к уху и сказал «Слушаю». Разговор продлился не больше минуты, а закончился раздраженным возгласом Кеши: «Вот черт!»

– Что случилось? – участливо спросила Эва.

– Да кастинг, будь он неладен! Фирма «Шик» ищет девушку для рекламы мыла. – Он убрал телефон в карман и с сожалением покачал головой. – Деньги сулят хорошие, но кастинг днем, а я улетаю утром...

– Ну так давай я схожу без тебя...

И-Кей хмуро глянул на свою подопечную и с тяжким вздохом сказал:

– Не хотел бы тебя отпускать, да уж больно жаль заказ терять...

– Ура! – возопила Эва.

– Только без самостоятельности, – строго предупредил И-Кей. – Фотографировать себя ни в коем случае не давать! Это самое главное! – Он нахмурил брови, соображая, что бы еще запретить. – И помни – никаких задушевных разговоров с модельками! Они потом такое про тебя наплетут, век не отмоешься.

* * *

Придя в помещение бизнес-центра, где проходил кастинг, Эва расстроилась: на креслах, стульях, стульчиках сидела такие красотки, что она на их фоне казалась себе самой просто коровой. Юные нимфы с нежными лицами, точеными фигурками, сногшибательными улыбками чувствовали себя непринужденно: болтали, хихикали, показывали друг другу свои портфолио, делились новостями и сплетнями (в том числе и о ней). Многие были со своими родителями, некоторые с менеджерами, двое пришли с любовниками – толстопузыми «папиками» в дорогих костюмах. На Эву они взглянули лишь мельком – когда она вошла, ни одна ее не узнала, что, собственно, порадовало. Единственная девуш-

ка, которая отреагировала на ее появление многозначительным кивком, была, скорее всего, не моделью, а агентом или менеджером (для модели она была старовата и чересчур ярка), остальные не удосужились даже улыбнуться – она была чужой в этой стае и самой взрослой.

Просидев у стеночки минут двадцать, Эва заскучала и от нечего делать начала рассматривать яркоперую агентшу. Дама эта была очень колоритной: высоченной, длинноногой, с копной баклажановых волос, с серьгой в носу, с кричащим макияжем, одетая в черные кожаные штаны, желтую футболку и белые ботфорты. На вид ей было лет тридцать пять. Без боевой раскраски она наверняка выглядела бы очень милой.

– Вы ведь Эва? – спросила дама, поймав на себе Эвин взгляд.

– Да. Как вы меня узнали?

– У меня глаз – алмаз! – Она подмигнула. – Но вообще-то вы совсем на себя не похожи... Масть не та, фигура. Но я вас по взгляду и узнала... Кстати, меня зовут Дуда, я хозяйка малюсенького модельного агентства. Вот своих двух девочек сюда привела... А куда делся ваш продюсер? Обычно он является на кастинги!

– Кеша уехал в Казань открывать новую звезду.

– Зачем ему еще кто-то, если есть вы? – спросила Дуда, приподняв тонкую смоляную бровь.

– Та девочка очень красива. Похожа на ацтекскую богиню.

– Хоть на греческую. Лучше Эвы он все равно не найдет.

Такие удачи бывают только раз в жизни... – Она приблизила свое смуглое лицо с яркими голубыми глазами к лицу Эвы и доверительно сообщила: – Я уже полтора года ищу подобную вам девушку, но безрезультатно. Миленьких, славных, даже красивых полно, но ни в одной нет вашей изюминки, вашего невероятного магнетизма... – Дуда, прищурившись, посмотрела на Эву. – Что же такого в вашем лице, что так завораживает? Я пересмотрела кучу ваших фотографий, пытаюсь понять, но так и не смогла...

– Просто у меня хороший фотограф.

– Нет, дело не в нем, а в вас, – уверенно заявила она. – Вы – БОГИНЯ!

– Спасибо, конечно, но поверьте, без Кеши...

Дуда не дала ей договорить, перебила:

– Так, у меня предложение! Свалить отсюда прямо сейчас. Здесь неподалеку есть отличный паб, предлагаю закатиться туда. За пивком разговор пойдет душевнее.

– Но как же... – растерялась Эва. – Как же кастинг?

– Наплюем! Мои девочки и без мамы Дуды справятся, а вам тут вообще делать нечего...

– Почему?

– На главную роль уже утверждена любовница хозяина фирма. Какая-то певичка. Сейчас девочек для массовой набирают. Вы ведь в массовку не хотите?

– Нет.

– Я так и подумала. – Она встала, потянула Эву за руку. –

Пошли, я угощаю.

– Но что я скажу Кеше?

– Скажешь как есть. – Дуда подозвала одну из своих подопечных, пошептала с ней, затем помахала второй и направилась к двери, таща Эву за собой, как какую-нибудь козу. – Или вообще ничего не скажешь, ты же не обязана перед ним отчитываться.

«Еще как обязана», – хотела сказать Эва, но промолчала. А Дуда все трещала, рассказывая то о своем бизнесе, то о личной жизни, то о детских мечтах, говорила быстро, отрывисто, перемежая речь матерком, сыпала вопросами, ответы на которые не дослушивала, перебивая Эву и саму себя. За десять минут, что они шли до паба, она успела поведать новой приятельнице свою биографию, начиная с первых шагов и заканчивая последним контрактом с французами. Оказалось, Дуда родилась в Сибири, приехала в Москву, чтобы поступить в МГУ, но провалилась на первом же экзамене, после чего подала документы в ПТУ, отучилась на маляра, уехала обратно на Север, в столицу вернулась через два года, устроилась штукатуром на стройку, но на дискотеке ее заметил представитель модельного агентства, пригласил поработать на подиуме, она согласилась. Так Дуда из маляра превратилась в модель.

– Долго ты работала манекенщицей?

– Семь лет. Утюжила языки Милана, Парижа, Токио, о Москве и Питере уж и не говорю... Меня Кензо обожал, Ва-

лентино хотел сделать лицом своего Дома моды.

– И что же помешало?

– Я на полгода выпала из бизнеса, а когда вернулась, оказалась никому не нужной...

– За полгода тебя успели забыть?

– Дело не в этом... – Она помялась. – Понимаешь, в чем дело... Я изменилась за это время. Сильно изменилась.

– Сделала пластику?

– И ее тоже... Я знаешь раньше как выглядела?

– Как?

– Видела рекламу водки «Бизон»?

– В которой парень превращается в зверя?

– Именно.

– Конечно, ее крутили по всем каналам. Очень интересная реклама. И парень в ней обалденно красивый. – Эва томно вздохнула, она какое-то время была в этого бизона немного влюблена. – Голубоглазый брюнет с ямочками на щеках... Чудо, а не мужчина.

– Ну вот.

– Что «вот»?

– Я именно так и выглядела. – Дуда широко улыбнулась. – Тот голубоглазый брюнет и есть я.

– Но ты же... женщина.

– Сейчас да, а тогда была мужиком. Меня звали Эдуардом Костериным.

– А теперь? – тупо спросила Эва.

– А теперь я Эдуарда. Настоящая женщина... Я с самого рождения была ею, только этого никто не хотел замечать... Теперь же ни у кого нет сомнений.

– Ты изменил... ла пол?

– Совершенно верно. И вот уже два года являюсь гражданкой Костериной.

– Обалдеть можно! – только и смогла сказать Эва.

– Вот все, как ты, и обалдели, а я работы лишилась. Пришлось спешно переквалифицироваться... Хорошо, что связи остались, и денег я заработала прилично – открыла модельное агентство. Работаю. Дела потихоньку идут. Одно плохо – нет у меня звезды типа тебя... Ищу, ищу, а все какие-то пустышки попадаются... – Она хитро посмотрела на Эву и весело спросила: – А ты никогда не хотела сменить агента?

– Нет.

– Почему?

Вопрос застал Эву врасплох, так что она не нашла, что ответить, но Дуда заполнила паузу очередным предложением:

– Пошли своего И-Кея подальше, найми меня. Я же вижу, как он тебя подавляет. Диктует тебе свои условия, при том что это должна делать ты. Ты – звезда. Ты – талант. А он всего лишь твой агент.

– Он мой продюсер.

– Ты давно в продюсерах не нуждаешься, – отмахнулась

Дуда. – Какой процент ты отстегиваешь И-Кею?

– Я не знаю...

– Ну ты даешь! – Она сокрушенно покачала головой. – Ты контракт хоть читала?

– Конечно, – соврала Эва, которая на него лишь мельком глянула. – Просто я забыла, что там написано...

– И на сколько он заключен?

– Я ж говорю, не помню...

– Придешь, прочти его, выучи, а лучшеними копию, проконсультируйся с юристом, правильно ли он составлен...

– К чему этот разговор?

– Я навела о тебе справки. Ты живешь затворницей во взятой внаем квартире вместе с продюсером. Никуда не ходишь. Не едешь отдыхать. Не бываешь в ресторанах, на выставках, показах. Зато он ведет бурную светскую жизнь. Тратит бешеные бабки на клубы, девочек, машины...

– Зато он мне купил столько драгоценностей, что они в шкатулку не помещаются!

– А они точно настоящие? – поинтересовалась Дуда. – Мне думается, что нет!

Видя сомнение в глазах Эвы, Дуда предложила:

– Поехали к тебе домой. Вместе посмотрим на цацки – я разбираюсь, я сразу тебе скажу, подделка это или нет. Затем возьмем контракт и двинем к юристу.

Эва дала внутренним противоречиям потерзать себя еще пару минут, затем решительно сказала:

– Хорошо, поехали!

* * *

Оказавшись в квартире, Дуда первым делом осмотрела комнату Эвы, обозвала ее «казармой», после чего спросила:

– Где ты хранишь свои цацки? В обувной коробке? В вазе? Сахарнице? Горшке?

– В сейфе.

Дуда присвистнула:

– В этом доме и сейф имеется? Документы там же?

– По-моему, нет. По крайней мере, я не видела...

– Ничего, найдем.

Они двинули к стене, на которой висела безвкусная картина с нарисованными на ней фруктами: яблоками, гранатами, виноградом. За этим натюрмортом прятался сейф.

– Открывай, – скомандовала Дуда.

Когда Эва достала из сейфа шкатулку и вывалила ее содержимое на стол, Дуда, бросив один лишь взгляд на украшения, сказала:

– Фуфло одно, как я и думала! Теперь давай контракт смотреть.

– В сейфе его нет.

– Значит, он хранит его в своей хате. У тебя есть ключ от нее?

– У меня нет, но я знаю, где И-Кей держит запасной.

Вытряхнув его из кармана Кешинового кашемирового пальто, Эва с Дудой покинули квартиру.

Хата И-Кея находилась неподалеку, в старом доме дореволюционной постройки. Состояла она из двух комнат – спальни и гостиной. Отделана была по евростандарту, начинена современной техникой и дорогими аксессуарами.

– Ништяк он устроился, – протянула Дуда, входя в шикарные апартаменты. – Аж завидно!

– Где, думаешь, документы? – нетерпеливо спросила Эва. Она чувствовала себя преступницей, проникшей в чужое жилище, и хотела побыстрее уйти.

– Да вон они! Лежат у телика!

Эва метнулась к тумбочке, на которой стоял диковинно огромный телевизор «Сони», и обнаружила рядом с пультом несколько скрепленных между собой листов, сплошь покрытых компьютерным текстом.

– Читай, – скомандовала Дуда.

Эва сосредоточенно посмотрела на убористые строчки контракта, пробежала по ним глазами. Казенный язык договора нагнал на нее страху. А текст показался китайской грамотой. Даже простейшие слова в нем поменяли свой привычный смысл, став заковыристыми, пугающими, непонятными...

– Дуда, прочти сама! – взмолилась Эва. – Я не понимаю, что здесь...

– Ладно, давай сюда.

После того как Эва сунула контракт ей в руку, Дуда начала его читать. Сначала читала молча, беззвучно шевеля губами, затем периодически пофыркивая, сплевывая, тихо ругаясь. Но на второй странице не выдержала, воскликнула:

– Вот козел!

– Кто?

– И-Кей твой, кто ж еще?! – Она бросила бумаги на стойку, ткнула ногтем в один из абзацев: – Прочти предложение, отпечатанное мелким шрифтом.

– ...клиент обязан соблюдать...

– Не это! То, которое в скобочках.

– ...обязан выплачивать пятьдесят процентов гонорара...

– Пятьдесят! – Дуда страшно вытаращила глаза. – Грабеж средь бела дня! Половину ты должна отдавать ему! Прикинь!

– А это много?

– Даже сутенеры столько со своих девок не дерут! – Дуда схватила контракт и вновь впиалась в него глазами. – О! Это еще не все! Оказывается, как твой эксклюзивный фотограф он также имеет права на десять процентов гонорара! Итого шестьдесят! А в первый год он вообще отбирал у тебя семьдесят... Как бы возвращал затраты...

– Ну почему же «как бы»? Он действительно вкладывал в меня деньги...

– Прикупил тебе паричок и пару накладных грудей?

– Не только...

– Я своим девочкам педагогов нанимаю, хореографов,

тренеров, массажистов. Многим оплачиваю пластические операции. И при этом так не борзею, как твой продюсер...

– И сколько с их гонораров получаешь ты?

– Первый год четверть, потом одну пятую. А фотографии никакого процента вообще не имеют! Что это за глупости! – Она стукнула Эву согнутым пальцем по лбу. – Как ты могла такое подписать, чудачка?

Эва молчала. Не говорить же, что не глядя. А Дуда продолжала бушевать:

– Но даже при этом грабительском договоре ты за три года должна заработать очень приличные деньги! Один контракт с «Чангом» принес тебе не меньше сотни «зелены»...

– Сколько он мне принес? – не поверила своим ушам Эва.

Однако Дуда вопрос не услышала, она была занята сложными умственными подсчетами.

– Хату купил не в центре, японку ему с Дальнего Востока пригнали, – бормотала она, – побрякушки фальшивые, акции... Эва, в какие акции он вложил твои деньги?

– Я их не видела, – смущенно проговорила Эва. – Они оформлены на мое имя, но хранятся в банке...

– Значит, их вообще не существует... Как я и думала. – Согласившись с самой собой, Дуда обратилась к Эве: – Короче говоря, твой продюсер обманщик и вор. Мало ему шестидесяти процентов, он и на твои жалкие сорок пасть разинул! Хапуга! Да его засудить за это надо! Ты можешь прямо сейчас написать заявление в прокуратуру...

– Я ничего писать не буду, – испугалась Эва.

– А что будешь? Продолжать делать вид, что ничего не произошло? Работать на этого вора, отдавая все свои деньги, чтобы он мог купить себе еще одну хату для утех?

– Нет, конечно. Я поговорю с Кешей. Поставлю ультиматум. Или он возвращает мне все, что недоплатил, или я распродаю с ним контракт.

– А если возвращает, работаешь дальше?

– А что мне остается?

– Послать его к чертям. Потребовать через суд возвращения денег. Нанять себе нового агента, как ты понимаешь, я предлагаю свою кандидатуру, но, если у тебя есть на примете кто-то другой, я не обижусь...

– Дуда, – перебила ее Эва, – я бы с удовольствием наняла тебя, а Кешу послала, но, боюсь, без него я никто... Вот ты говоришь, он не дает мне сниматься в рекламе, участвовать в показах, но ты посмотри на меня... Зад широкий, грудь мало того, что маленькая, еще и висит. Нос длинный, волосы тусклые. Я красивая только на фото! В парике, с макияжем, с нагрудниками, снятая в определенном ракурсе. А в клипах все мои недостатки будут заметны...

– Все это я уже слышала. И про нос, и про грудь, и про зад, и про волосы. И вот что я тебе на это скажу: волосы можно выкрасить и вылечить, нос с грудью переделать, зад подкорректировать – сейчас полно методов: массаж, обертывание, тренажеры, липосакция, наконец...

– Переделать нос?

– Каждая третья модель прошла через пластику! Думаешь, все они от природы такие красотки? Губы, скулы, носы, груди, я уж не говорю о шлифовке кожи, депиляциях, антицеллюлитных процедурах. Про волосы вообще молчу! Все без исключения их красят!

Дуда соскочила со стула, взяла Эву за руку и подтащила к огромному зеркалу, висящему на стене.

– Посмотри на себя! У тебя тонкая талия, длинные ноги, красивые плечи...

– И маленькая висячая грудь, которая без лифчика похожа на уши спаниеля...

– У меня вообще ее не было! Зато какая сейчас!

– Но это, наверное, больно...

– Не смертельно, – отрезала Эдуарда и азартно воскликнула: – Решайся, Эва!

Эва сделала глубокий вдох и выпалила:

– Дуда, я согласна! Я расторгаю контракт с Кешей и посылаю его к черту! Хватит с меня... Больше я ему не рабыня!

– Молодчина! – Дуда спрыгнула со стула, подлетела к Эве и чмокнула ее в щеку. – Ты сделала правильный выбор! И я рада, что помогла тебе в этом... – Она игриво ткнула Эву локтем в бок. – Надеюсь, мне это зачтется и я буду первой кандидаткой на роль твоего агента?

– С сегодняшнего дня ты мой агент.

Больной, злой и усталый Кеша выбрался из такси. Сунув водителю смятую купюру и даже не потребовав сдачи, он поплелся к подъезду. Объемная сумка с фотоаппаратами, оттягивающая плечо, казалась пудовой, пропитавшаяся потом футболка липла к телу, носки воняли даже через кожу ботинок, а во рту стоял привкус тухлой капусты, не заглушаемый ни мятной жвачкой, ни вкусным дымом дорогих сигар. И-Кею было очень худо. Его мутило и покачивало. Причиной такого разбитого состояния послужила литровая бутылка «Джека Дэниэлса», выпитая вчера с горя в каком-то занюханном казанском баре. Но и она не помогла Кеше справиться с разочарованием! Даже упившись до состояния порсячьего визга, он сокрушался по поводу того, что яркоглазая студенточка Казанского университета оказалась обычной смазливой девчушкой, а никак не ацтекской богиней! Ни шарма, ни сексуальности, ни загадки – только хорошенькое личико с глупыми глазами-вишнями да коса до пояса! Конечно, для обложки какого-нибудь занюханного молодежного журнальчика девчушка подошла бы, как никто, но И-Кею нужна была именно БОГИНЯ...

Продолжая изводить себя, И-Кей вошел в подъезд. Махнув рукой дежурившему в фойе консьержу, зашагал к лифту. Поднялся на свой этаж. Вытащив из кармана связку ключей

чей, шагнул к родной двери. Собрался отпереть, но тут оказалось, что привычная замочная скважина отсутствует, а на ее месте торчит какая-то квадратная штуковина, похожая на электронный замок. Не веря глазам своим, И-Кей поднял голову на номерок, дабы убедиться, что не перепутал двери. Оказалось – не перепутал, дверь его. А вот замок – нет!

– Эва, дурища, ты чего наделала? – рявкнул И-Кей, долбанув кулаком по двери. – Что за самодеятельность, блин? Кто тебе позволил? – Так как дверь не открыли, Кеша заколотил по ней еще сильнее. – Открывай, короче! Мне не до шуток!

Но ему так и не открыли. Разъяренный Кеша спустился в фойе, где его встретил взволнованный консьерж.

– Иннокентий Сидорович, – обратился он к И-Кею. – Не могли бы стучать потише, а то жильцы уже жалуются...

– Я не могу попасть домой! Кто-то сменил замки...

– Это Эвелина Сергеевна поменяла, – доложил консьерж. – Вчера еще... Я думал, вы в курсе...

– Сама она где? – нетерпеливо перебил его И-Кей.

– Не могу знать.

И-Кей постарался придать своему лицу благодушное выражение и как можно мягче попросил:

– А не могли бы вы открыть мне дверь? У вас ведь наверняка есть дубликат...

– Нет, мне Эвелина Сергеевна его не оставляла.

– И что прикажете, мне на лестнице укладываться?

– Я посоветовал бы вам уйти отсюда, так как неизвестно,

когда вернется Эвелина Сергеевна. — Он начал едва заметно перемещаться к двери, увлекая за собой И-Кея. — Быть может, она намерена отсутствовать неделю. Так что ж, вам все это время на лестнице сидеть? Нехорошо это... И вам неудобства, и жильцам...

— Я тут живу! — с угрозой прорычал Кеша, отпихнув консьержа. — Я никуда не пойду, ясно?

— Будете шуметь, я милицию вызову... — предупредил тот, демонстративно поднимая телефонную трубку. — Вам это надо?

Нет, И-Кею «это» было без надобности, поскольку срок его временной прописки истек неделю назад, а без нее в Москве лучше ментам на глаза не попадаться.

Выйдя из подъезда, И-Кей немного постоял, задрав голову к окну студии и ломая голову над тем, что заставило Эву сменить замки. Еще его интересовал вопрос, куда она могла уйти на целую ночь, но больше этого волновало, как она, такая крошка, посмела его послушаться! Ведь строго-настрого наказал дома сидеть, а эта зараза взяла и свалила...

С этими мыслями И-Кей направился к скверику, где стояли «бомбилы», взял машину, доехал до своего дома, где тут же завалился на кровать, даже не удосужившись раздеться. Проснулся он глубоким вечером и чувствовал себя вполне сносно. Взяв в руки телефонную трубку, И-Кей направился в ванную. Там скинул с себя вонючую одежду, пустил воду в джакузи, бросил туда несколько шариков ароматической со-

ли и, усевшись голышом на унитаз, набрал нужный номер.

– Алло, – раздался в трубке противный фальцет.

– Ой, я, кажется, не туда попал, – буркнул И-Кей, отключившись.

Но когда он набрал номер еще раз, ответил ему тот же голос.

– Да блин, опять не туда попал! – выругался И-Кей.

– Вам кого, молодой человек?

– Мне Эву, но вас это не касается...

– Почему же не касается? Я ее агент, и если надо...

– Кто?

– Я агент Эвы – Эдуарда Костерина. А вы?

– А я ее продюсер, и никаких агентов я для своей подопечной не нанимал!

– У Эвы нет продюсера.

– Да что ты говоришь? – начал закипать Кеша. – Короче, позови Эву! Скажи, это И-Кей звонит.

– Она с вами разговаривать не желает.

– Зато я желаю с ней разговаривать! – уже в бешенстве заорал Кеша. – Быстро!

– Вы русский понимаете? – устало вздохнула самозваная агентша. – Эва с вами не желает разговаривать. Как и видеть вас. Именно поэтому все ваши вещи, оставленные в ее квартире, сегодня собраны и отправлены на адрес вашего офиса... Так что можете не затруднять себя, приходя за ними. Тем более вас все равно не пустят в квартиру...

– Ты че мелешь, курица? Я продюсер Эвы! Я ее личный фотограф! Я ее единственный друг, наконец...

– Эва прекращает сотрудничество с вами. Вы больше не ее продюсер, не ее фотограф и тем более не друг... Вы уволены, И-Кей!

– Вот хренушки вам! – крикнул Кеша и показал трубке кукиш. – Уволен! Размечтались! У нас контракт!

– Контракт не был пролонгирован в срок, поэтому он потерял всю свою юридическую силу.

– Вы побывали у меня в квартире? – дошло до И-Кея. – И выкрали контракт?

– Господин бывший продюсер, перестаньте кудахтать и послушайте меня. Несколько лет вы бессовестно грабили свою подопечную. Вы это знаете, я это знаю, Эва теперь тоже это знает. То есть пока знаем мы трое. – Она возвысила голос, и теперь он звучал не пискляво, а басовито. – Но если вы не хотите, чтобы сей факт стал достоянием общественности и компетентных органов, то я рекомендовала бы вам забыть о существовании Эвы и больше ее не беспокоить. – Эдуарда кашлянула и уже совсем другим тоном добавила: – А говоря по-простому – держись от нее подальше, иначе я тебя, козел, ославлю, а потом засажу в тюрьму за финансовые махинации!

Пророкотав эту угрозу, невесть откуда взявшаяся защитница Эвы отключилась. А И-Кей еще долго сидел на унитазе, тупо глядя на плачущую трубку. Когда ягодицы стало покалывать, он встал, закрыл кран и, не глянув на зазывно

переливающуюся пеной ванну, вышел. В комнате он быстро оделся, пригладил волосы, облился дезодорантом, после чего покинул квартиру.

Выйдя из подъезда, И-Кей направился к стоянке, где оставил свой джип перед поездкой в Казань. Но машины там не оказалось.

– Где моя тачка? – накинулся он на охранника.

– Утром ее забрали.

– Кто?

– Хозяйка.

– Я! – И-Кей ткнул себя кулаком в грудь. – Я – хозяин машины.

– По документам не вы, а девушка. Она их предъявила, как и квитанцию, и я разрешил забрать...

Услышав о документах, И-Кей мысленно застонал. Он вспомнил, что квартира в Химках, которую он сдал своему дальнему родственнику и деньги за аренду которой регулярно получал, тоже записана на Эву. И теперь можно не сомневаться, что ее она тоже отберет, а Кешиного племянша выставит за дверь. Именно это почему-то разозлило И-Кея больше всего остального. Разозлило и заставило изменить маршрут – если изначально он собирался отправиться в офис, то теперь решил нагрянуть к Эве в гости. Надо поговорить и до конца разобраться в ситуации! Вернее, попытаться в очередной раз запудрить девице мозги и вернуть себя статус пусть не ее продюсера, а хотя бы эксклюзивного фотографа. Те-

перь он был согласен даже на это!

Всю дорогу до бывшего своего дома И-Кей продумывал оправдательную речь, но, когда добрался до него и увидел припаркованный у подъезда красный джип, тут же ее забыл. Злость опять всколыхнулась в нем. А уж когда И-Кей заметил у правой передней двери машины двухметровую бабу в диком наряде, едва сдержался, чтобы не наброситься на нее. С первого взгляда он понял, что именно из-за этой суки он потерял Эву, свою золотоносную курочку, как и квартиру, и машину, и статус царя и бога...

Пока И-Кей в бессильной злобе сжимал кулаки, Эдуарда закурила тонкую сигарету и, привалившись к переднему бамперу, застыла, явно кого-то ожидая. Кого – стало ясно чуть позже, когда входная дверь отворилась и из подъезда вышла Эва. В руках у нее была дорожная сумка, которую Эдуарда тут же отобрала у нее и закинула в багажник. После этого она щелчком отбросила недокуренную сигарету и открыла заднюю дверь машины, сопроводив действие командой «Садись». Эва неуклюже полезла в салон, но тут И-Кей, выскочив из кустов, бросился к машине с криком: «Эва, подожди!» Но она как не услышала – нырнула внутрь и закрыла за собой дверь.

И-Кей подбежал к машине, схватился за ручку, намереваясь открыть дверь, но шпалообразная агентша подлетела к нему, легко отпихнула и, грозно насупившись, рявкнула:

– Чего надо?

– Да отвали ты, чума! – взорвался И-Кей. – Мне надо с Эвой поговорить! – Он склонился к окну, стукнул ладонью в стекло. – Выйди, пожалуйста, на пару слов! Эва, прошу тебя! Ну нельзя же так... С бухты-барахты все решать! Давай поговорим...

Он хотел добавить, что сейчас все ей объяснит, но тут его тело пронзила острая боль. И-Кей охнул, согнулся, схватившись за горящий огнем бок. Он понял, что Эвина церберша его ударила, но дать сдачи он не смог, так как психованная дамочка заломила его руку за спину и, склонившись над ним, яростно зашептала:

– Объясняю в последний раз. Эва не желает тебя видеть. И если ты еще посмеешь ей докучать, будешь иметь дело со мной...

– Отпусти, дура, – прохрипел И-Кей. – Руку ломаешь...

– Скажи спасибо, что не шею! – Дуда ослабила хватку, но руку не выпустила. – А теперь слушай сюда. Известие о твоей отставке завтра появится в прессе. Так что будь готов к повышенному вниманию журналюг и знай: ляпнешь какую гадость про Эву – урою! На тот случай, если у тебя будут интересоваться, где она, отвечай, взяла полугодовой отпуск и уехала на Канары. Далее! – Она чуть крутанула руку И-Кея, чтобы он не расслаблялся, и продолжила: – Если в наше отсутствие попробуешь провернуть какое-нибудь дельце, типа липовый контракт от Эвиного имени заключить, знай – под суд за это пойдешь! А попытаешься проникнуть в квар-

тиру или опять на машину пасть разинешь, будет то же самое! – Дуда рывком отбросила его руку. – Помни об этом!

И-Кей прижал ноющую руку к груди, помассировал. Когда боль прошла, он с облегчением выдохнул и только тут заметил, что джип, заурчав мотором, тронулся с места. Не прошло и минуты, как он скрылся из виду. А вместе с ним исчезла и последняя Кешина надежда на чудо.

* * *

Прошло два месяца. За это время фотограф успел поистратиться настолько, что пришлось продать любимый «Лексус». Конечно, можно было этого избежать, кое-какие деньги в банке у него имелись, но их не хватило бы на поддержание привычного образа жизни. Аренда квартиры в центре, членство в клубе, элитный парикмахер, ужины в дорогих ресторанах – на все это уходили тысячи долларов, а заработка у И-Кея в эти месяцы не было совсем. Как только весть о том, что Эва разорвала с ним все отношения, разнеслась по модельному миру, Иннокентий Сидорович Станков оказался не у дел.

Через пять месяцев Кеша спустил все, что у него имелось, включая заначку на черный день. Пришлось переезжать за пределы Садового кольца и искать работу. Устроиться удалось только в полупорнографический журнал «Мужские шалости». Платили не так уж много, работать приходилось в

нечеловеческих условиях (с вечной эрекцией!), но И-Кею было не до жиру, быть бы живу...

Как-то вечером, возвращаясь с особенно изнурительной съемки домой, Кеша остановился у ларька, чтобы купить сигарет. Высыпав на ладонь продавца всю мелочь, он стал ждать, когда ему подадут ставшие привычными «Родопи», и от нечего делать рассматривал рекламные щиты у метро. Их было полно, но в глаза бросался только один. На нем Эва поела шоколад. Пористый. Молочный. Самый свой любимый. Плитка была у нее в руке, а долька во рту зажата губами... Такими же сладкими, нежными, аппетитными...

Глядя на плакат, так и хотелось попробовать пористую сладость. Будто вкус молочного шоколада мог передать вкус Эвиных губ...

– Да я талантище, черт побери! – прошептал И-Кей. – Генний! Царь и бог фотографии... – Он схватил пачку «Родопи», разорвал ее, вытащил сигарету, сунул ее в рот, но не прикурил, а начал жевать, бурча себе под нос: – Ну ничего! Ничего... Недолго тебе осталось! Побалдей пока... – Он выплюнул сигарету, метя в плакат, но она не долетела. – Скоро узнаешь, как вытирать ноги об И-Кея. И сама окажешься там, где сейчас я... В заднице!

И-Кей громко расхохотался, затем плюнул в плакат еще раз и заспешил домой, обдумывать план мести.

Через неделю в популярной «желтой» газете появилась огромная, на весь разворот, статья, в которой рассказывалась реальная история Эвелины, закомплексованной, невзрачной продавщицы, из которой талантливейший фотограф и гениальный продюсер И-Кей сотворил БОГИНЮ. Статья сопровождалась фотографиями из личного архива Иннокентия Станкова, на которых БОГИНЯ представала в виде бледной, носатой, безгрудой дурнушки, и вид этот поражал своей неприглядностью. Эти снимки вскоре появились в Интернете и еще в нескольких многотиражках. Не успели обыватели обсудить увиденное на фото, как И-Кей подбросил еще дровишек в свой инквизиторский костер – дал пространное интервью одному модному журналу, где выставил Эву тупой, злой, неудовлетворенной бабой, на которую за четыре года не позарился ни один нормальный мужик, а только трансвестит Эдуард Костерин, но и тот лишь для того, чтобы глупая бабенка, возомнившая себя богиней, сделала его своим агентом.

И-Кей тешился целый месяц. Он поливал Эву грязью во всех доступных ему средствах массовой информации. Звездный час Кеши настал тогда, когда его пригласили принять участие в записи популярнейшего ток-шоу Первого канала. Тема передачи была «Чужие маски», и Кеша с удоволь-

ствием согласился в ней поучаствовать, понимая, о чьей маске хотят его расспросить.

Но он ошибся – его пригласили не за этим. Как только он занял свое место на освещенном софитами подиуме и приготовился отвечать на вопросы ведущего, камера отвернулась от него и нацелилась на двух женщин, появившихся в студии. Зал встретил их бурной овацией, а ведущий радостным воплем: «А вот они! Эдуарда и Эва! Встречайте!»

И-Кей сначала не поверил своим ушам, а потом и глазам, так как в спутнице Эдуарды признать свою бывшую подопечную он смог лишь со второго раза. Сногсшибательная, грациозная, стильная, уверенная, с умело выкрашенными смоляными волосами, безупречным макияжем, точеным носом и... роскошным бюстом, буквально выпрыгивающим из выреза модного кожаного платья. Настоящая БОГИНЯ! Но на этом сюрпризы не закончились. Как только красотки заняли места рядом с И-Кеем, в студии появилась еще одна женщина. Эта не была ни роскошной, ни стильной, и знать ее Кеша не знал, но направилась она именно к нему.

– Кто это? – тупо спросил он у ведущего.

– Судебный пристав, – ответил тот. – Вам вручается повестка в суд. – И, повернувшись к камере, затараторил: – Вот они встретились лицом к лицу! Два истца и ответчик! Что они скажут друг другу? И как человек, обвиненный в клевете, мошенничестве, финансовых махинациях и растрате, будет защищать себя?

Защищать в тот день И-Кей себя не стал. Просто встал и покинул студию. Но на следующий день из газет узнал, что на него подано два гражданских иска о возмещении морального и материального ущерба. Один от Эдуарды, второй от Эвы. Первая требовала публичных извинений за то, что он назвал ее «трансвеститом», вторая – денег за клевету в средствах массовой информации. Но самым ужасным было не это, а то, что по заявлению Эвы на него заведено уголовное дело сразу по нескольким статьям, включая мошенничество. А за это, как ему объяснил один знакомый юрист, можно было и сесть! «Советую нанять хорошего адвоката, – посоветовал он же. – Иначе тебя размажут!»

И-Кей решил воспользоваться советом. Взяв под залог своей аппаратуры ссуду, он нанял не хорошего, а отлично-го адвоката. «Законник» оказался ушлым парнем – от тюрьмы своего клиента отмазал влежку, одного сделать не мог – избавить И-Кея от конфискации и выплат истице незаконно присвоенных им сумм. Суд обязал Иннокентия Станкова вернуть Эве все, что он недоплатил ей за годы сотрудничества. Сумма получилась такой огромной, что не только И-Кей, а даже его адвокат обалдел, но посоветовал не падать духом, а подавать на апелляцию. Однако сам этим заниматься не стал, поскольку гонорар свой уже отработал, а «за спасибо» (у Кеши не осталось ни гроша) он свои услуги не предоставлял.

И у Кеши отняли все! Фотоаппараты забрал банк за

неуплату процентов по ссуде, а остальное имущество описали судебные приставы. Привычного заработка он тоже лишился. Журнал «Мужские шалости» отказался от услуг И-Кея, найдя его работу непрофессиональной, но этому он был только рад, так как продолжай он трудиться легально, половину зарплаты у него забирали бы в пользу Эвы. Пришлось И-Кею спешно искать «калымы». Со своим стареньким «Никоном» (именно им были сделаны первые снимки Эвелины) он обошел кучу школ и детских садов, снимая ребятишек. Он фотографировал на свадьбах и презентациях, в парках и ночных клубах. И все равно денег ему хватало только на самое необходимое – проживание, проезд, питание, сигареты и водку. Да, с тех пор, как жизнь его пошла под откос, единственное, что помогало примиряться с действительностью, так это «сорокаградусная». Каждый вечер, сидя на голом матрасе, брошенном на пол пустой съемной квартиры, он выпивал бутылку водки, закусывал ее макаронами или картошкой и, повалившись на свое ложе, отключался. Проснувшись утром, он твердо обещал себе больше не пить, но по дороге домой неизменно покупал бутылочку «Столичной»...

Со временем доза увеличивалась, а качество водки ухудшалось. Теперь он брал по две бутылки «левака», полторы выпивал вечером, половиной опохмелялся утром. Кеша исхудал, опух, стал попахивать. От его услуг начали отказываться, а квартирная хозяйка просто вышвырнула на улицу. Кеша перебрался в пригород, где снял комнатенку в полу-

развалившемся доме старой самогонщицы. То немного, что он зарабатывал, отдавал ей же, расплачиваясь за «бухло». Но теперь и оно не приносило облегчения. Напившись, Кеша не забывался, а наоборот – вспоминал все и зверел. Он орал, крушил мебель, кидался на людей (за что неоднократно был бит), а уж если видел где-то фотографию Эвы, то срывал ее и топтал, топтал...

За эти «самогонные» месяцы Кеша опустился настолько, что перестал мечтать о лучшей жизни. Если раньше по утрам он ломал голову над тем, как вылезти из «задницы», в которой он очутился, то теперь занимало его только одно – где бы раздобыть серной кислоты, дабы плеснуть ее в Эвину рожу. Конечно, легче было бы убить ее! Выстрелить из обрезка (у старухи был такой в сарае) ей в сердце! Но тогда она просто умрет, не узнав, каково это – жить и страдать! А вот если он обезобразит ее личико, тогда совсем другое дело! Даже если она не станет инвалидом, то уж красоты своей точно лишится. А значит, перестанет быть БОГИНЕЙ! К этому И-Кей и стремился. Об этом и мечтал! Он как создатель имел право отобрать у Эвы ее божественный статус... Как там говорил Тарас Бульба? «Я тебя породил, я тебя и убью...» Золотые слова! А главное, правильные! И-Кей так и поступит – убьет... Но не саму Эву. Он убьет порожденную им БОГИНЮ...

16 сентября 2002 года все газеты (и не только «желтые», но и вполне респектабельные, типа «Труда») разразились страшной новостью – на супермодель Эву совершенно покушение. Красавицу пытались облить серной кислотой, но благодаря отличной реакции телохранителя, успевшего загородить звезду от злоумышленника, девушка не пострадала. Чего нельзя сказать о добросовестном бодигарде – вся порция кислоты досталась ему. Однако, к его счастью, вылилась не на лицо, а на тело, так что ни дыхательные пути, ни глаза не подверглись опасности. Однако правая сторона туловища оказалась сильно обожженной, и парня в бессознательном состоянии увезли в больницу прямо с места преступления. Злоумышленника (им оказался бывший Эвин продюсер И-Кей) взяли там же. Преступник пытался бежать, но его скрутил второй телохранитель Эвы, после чего сдал в руки милиции.

Последующую неделю журналисты мусолили эту историю. Затем начали копать, желая выяснить причину, побудившую И-Кея броситься на свою бывшую подопечную с банкой кислоты. Нарыли много интересного, благо за информацией далеко не надо было ходить – поднимай подшивки да читай. Начиная с откровенных интервью И-Кея в «желтой» прессе и заканчивая репортажами из зала суда, где про-

ходил процесс по делу Иннокентия Станкова. Не обошлось без фотографий халупы, в которой в последнее время жил И-Кей, а также без опроса его друзей – запойных пьяниц, с которыми он бухал самогон у хозяйки на кухне. Короче говоря, газетный скандал удался на славу! Правда, как водится, он быстро затих. И об И-Кее все забыли. Вспомнили только через четыре месяца, когда состоялся суд, признавший Иннокентия Станкова виновным по двум статьям и приговоривший его к пяти годам заключения в колонии общего режима.

Глава 3

Опознанный летающий труп

– Это Кеша? – ахнула Дуда. – Твой злой гений? Не может быть... Тот был заморышем, а этот... Ты посмотри, какая у него пачка...

– Это он. – Эва страдальчески сморщилась и отвернулась. – Точно он.

– Кто «он»? – обеспокоился Пол. – Объясните же...

– Иннокентий Станков. Бывший Эвин продюсер.

– Тот самый И-Кей? Ни фиги себе...

– Ты слышал о нем? – удивилась Эва.

– Естественно...

– Почему же «естественно»? – буркнула Дуда. – И-Кей последние годы сидел в тюрьме, о нем давным-давно все забыли...

– Да, сейчас о нем мало кто помнит, но преданные поклонники Эвы знают, кто такой И-Кей... – Он потупился и немного смущенно добавил: – Я один из них...

– Вы мой поклонник? – благодушно улыбнулась Эва.

– Я восхищаюсь вами... С детства... В смысле, юности...
Вы БОГИНЯ!

– Да-а, – протянула Дуда раздраженно. – Только признаний преданного фаната нам сейчас для полного счастья не хватало... Может, еще автограф попросишь?

– Не хами, Дуда, – одернула ее Эва. – Лучше напряги свою память и вспомни, когда мы его, – кивок в сторону покойника, – засудили.

– В ноль втором, а что?

– И сколько ему дали?

– Пять лет.

– Значит, он вышел полгода назад... – Она растерянно глянула на подругу. – А я думала, все еще сидит... Надо же, как быстро время пролетело!

– Интересно, где он полгода кантовался, что-то я о нем не слышала... – Дуда опять заглянула в лицо покойника. – Наверное, в своей родной деревне – вон какую харю наел.

– Напил, – поправил ее Пол. – Его лицо не полное, а одутловатое, опухшее от пьянства. Сразу видно, он несколько лет не просыхал.

– Может, его после смерти так разнесло, – неуверенно проговорила Эва. – Насколько я помню, Кеша не был любителем алкоголя. Травку покуривал. Иногда коку нюхал, а пил редко.

– Где ж он тебе в деревне коку найдет? – фыркнула Дуда. – Там только самогон.

– Кто его, а? – глядя на подругу широко открытыми глазами, спросила Эва.

– Не я, – по-своему расценила ее взгляд Дуда. – Клянусь тебе...

– Да, конечно, не ты...

– И, конечно, не я?! – воскликнул Пол.

– А вот это еще доказать надо, – процедила Дуда. – У тебя алиби есть?

– А у тебя?

– Мне оно ни к чему! Все знают, что я пацифистка!

– Я тоже пацифист. Я даже в армии не служил...

– Я в армии служил... ла, но людей я не убиваю. И животных тоже. Даже тараканов не травлю. Мирно с ними со-
существую!

– Это еще не доказывает твою невиновность, – не сдавался Пол, в ажиотаже не обратив внимания на странную оговорку. – Можно любить тараканов и людей, но ненавидеть одного конкретного человека.

– Ты хочешь сказать, что я ненавидела И-Кея?

– Вполне возможно...

– Да я плевать на него хотела!

– А я тем более! Я даже не был с ним знаком.

Повисла напряженная пауза, во время которой оппоненты сверлили друг друга хмурыми взглядами. Игра в гляделки закончилась после того, как Эва воскликнула:

– Я знала И-Кея и не сильно его любила, но я не убивала!

– Естественно, – поспешила успокоить ее Дуда.

– Естественно, – поддакнул Пол. – Кто угодно, только не вы...

– И не я, – напомнила Дуда.

– Хорошо, и не вы. Тогда кто? Кому понадобилось убивать

спившегося зэка?

– Главное, ради чего? Я понимаю, когда мочат ради выгоды. С целью грабежа, например, или завладения наследством. Но с этого-то чего взять?

– Не все такие меркантильные, как ты, – устало проговорила Эва. – Очень часто убивают свидетелей, сообщников, давних недругов, шантажистов... А еще есть особая категория людей или нелюдей, которые режут, душат, топят первых подвернувшихся под руку...

– Ты сейчас о ком говоришь? – осторожно спросила Дуда.

– Ясно о ком, – проговорил Пол, многозначительно кивнув. – О маньяках!

Услышав это слово, Эдуарда испуганно выкрикнула: «Мама!» Она отличалась чрезмерной трусостью и богатым воображением – везде ей мерещились садисты, психи, а в каждой собаке, даже карманной, она видела бешеного волкодава. Крик получился чересчур громким, таким громким, что не проснуться, услышав его, было просто невозможно...

Но никто не проснулся! Только женщина с ближайшего кресла (судя по широкой спине, Матильда) перевернулась на другой бок, накрывшись с головой пледом.

– Не понял, – пробормотал Пол. – Не понял, почему никто не проснулся?

– Маньяк и их прирезал? – тихим голосом спросила Дуда. – В живых остались только мы?

– Что-то покойнички слишком громко храпят, – усмех-

нулся Пол. – Вы разве не слышите?

– Что-то слышу, – пролепетала Эдуарда.

– То есть все пассажиры, кроме нас, спят крепким сном.

– Я бы сказала, чересчур крепким, – поправила его Эва.

– Вы точно подметили... – Пол подошел к Матильде, склонился над ней, прислушался к дыханию, затем отдернул плед и пощекотал женщину за ухом. Та, вяло отмахнувшись, продолжала спать. – Все ясно! – воскликнул он, оставив фотографа в покое. – Их опоили снотворным.

– Их? – переспросила Эва. – А нас почему нет?

– Давайте рассуждать логически. Все спят, а мы нет. Значит, они выпили тот напиток, куда было добавлено снотворное, а мы нет... – Он сосредоточенно нахмурился. – Итак. Мы все сели в самолет. Заняли свои места. Взлетели. Затем стюардесса предложила напитки. Все они обычно стоят, – он указал рукой на столик, тот самый, где в графине с апельсиновым соком торчал нож для резки фруктов, – вот здесь. Соки, газировка, вода, вина... Я лично пил пепси. Баночное. Банку открыли при мне. Так и избежал снотворного... А что пили вы?

– Я минералку без газа, – припомнила Эва.

– А я водку, – сказала Дуда. – Летать боюсь, поэтому предпочла крепкий напиток.

– Остальные что пили, не заметили?

– Матильда – «Маргариту», это точно. Она всегда ее пьет. Ганди, как и я, водку. Только с соком. Его ассистентка Ла-

рифан – мартини...

– Кто такой Ганди? – полюбопытствовала Эва.

– Клипмейкер наш. Вообще-то по паспорту он Генка Дорогин, но ему имя свое не нравится, вот он кликуху и придумал... Ганди-то намного лучше звучит!

– Не отвлекайтесь, пожалуйста, – одернул разболтавшуюся Дуду Пол.

– Да, не буду, – закивала Эдуарда. – Только мне больше сказать нечего...

– Моя парикмахерша Натуся пила сок, – подхватила эстафету Эва. – Кажется, грейпфрутовый. Визажистка, она же гример Ника, – мартини со льдом. Как и Ладочка...

– А Ладочка у нас кто? – потребовал разъяснений Пол.

– Инструкторша по йоге.

– Вы и ее с собой взяли?

– Естественно! Я без нее никуда!

– Кто еще в вашем штате? Массажист, банщик, мойщик ног?

– Только стилист и костюмерша. Но что они пили, я не знаю...

Пол почесал затылок, затем нос, кадык, мускулистую грудь, обтянутую эластичной футболкой. По Эвиным наблюдениям, такая почесуха означала крайнюю степень мужской растерянности.

– Что-то не складывается? – на всякий случай спросила она.

– Да уж... Не складывается... – Он глубоко вздохнул. – Все пили разные напитки. Не мог же наш Сальери подсыпать свой яд в каждую емкость.

– Не надо ради красного словца искажать факты, – цыкнула на него Дуда. – Нам подсыпали не яд, а всего лишь снотворное.

– Которое вас почему-то не взяло! Че Гевара тоже водку пил. А спит, как сурок. Вы же по каким-то неизвестным причинам бодрствуете.

– Не Че Гевара, а Ганди. Это во-первых. А во-вторых, он пил отвертку. То есть водку с соком. Кажется, грейпфрутовым...

– И Натуся его пила, – ахнула Эва.

– Ника, Ладочка, Ларифан – мартини. А Матильда – «Маргариту», в состав которой оно тоже входит.

– То есть снотворное добавили лишь в два напитка – мартини и грейпфрутовый сок!

– Как минимум в три! Так как у нашей парикмахерши Натуси аллергия на цитрусовые и все продукты, изготовленные из них.

– Значит, снотворное подсыпали во все соки! Они же налиты в графины! А остальные напитки, пепси, например, или минералка, – в герметично закрытые емкости...

– А как быть с мартини? Оно в бутылке с закруткой...

– Наверняка бутылка была распечатана. Быть может, единственная...

– Не единственная. Мне водку первой наливали, и я точно помню – бутылка была неполной, значит, незапечатанной...

– Тогда я ни черта не понимаю! У него что, снотворное кончилось?

– Или он просто не успел подсыпать его во все бутылки, – ввернул фразу Пол. – Времени у него, как вы понимаете, было в обрез.

Дуда с Эвой согласно закивали, а Аполлон принялся разглагольствовать:

– Когда все уснули, даже те, кто не пил снотворного, злоумышленник встал со своего кресла, прошел по салону в хвост, якобы в туалет, а сам подошел к подносу, на котором лежали ножи, взял один и прирезал им И-Кея. После спокойно вернулся к своему месту. Сделал вид, что спит. – Пол вопросительно посмотрел сначала на Эву, затем на Дуду и спросил: – Вы случаем не видели, кто ходил по салону?

– Я нет, – без раздумий ответила Дуда. – Спала как бревно – меня водка всегда подкашивает.

– Я спала плохо, то и дело просыпалась, но тоже ничего не видела. Мое кресло в начале салона, второе в ряду. На первом никто не сидел. А что происходило за моей спиной, я не знаю.

– К сожалению, мне также нечего сказать, – вздохнул Пол. – Я долго не спал – играл в телефон, но в такие моменты я не воспринимаю окружающую действительность. У меня сейчас новая пулялка. Только вчера скачал... – Он смущен-

но улыбнулся. – Короче, я увлекся. Оторвался от дисплея, когда батарея села. Затем задремал и проснулся, услышав ваш разговор.

– Ну-с, подведем итоги, – деловито предложила Дуда. – У нас есть труп, есть пятнадцать человек подозреваемых, один из которых точно убийца, и ни одного свидетеля. Что будем делать?

– Будить подозреваемых, – внес предложение Пол. – Опрашивать... Быть может, хоть кто-то что-то слышал сквозь сон. Ведь не все выпили одинаковое количество снотворного: кто-то меньше, кто-то больше, значит, не все спят одинаково крепко.

– Не лучше ли сначала оповестить командира о случившемся? – спросила Эва.

– Успеем.

– Да, да, – закивала Дуда. – Незачем его нервировать перед посадкой. Мы ведь скоро приземлимся, да?

Пол глянул на циферблат огромных пластмассовых часов, обхватывающих его запястье.

– Летим больше двух с половиной часов. Наверняка вот-вот сядем.

– Тогда я начинаю побудку!

Сказав это, Дуда кинулась на середину салона, встала в позу Питера Пэна, набрала полные легкие воздуха и гаркнула:

– Подье-е-е-ем!

От ее вопля проснулись только трое: Матильда, Ладочка и парень с козлиной бородой, в которую были вплетены бу-синки с колокольчиками – когда он вскинул голову, они зазвенели.

– Ты че орешь, Дуська? – недовольно проворчал бородач. – Прилетели, что ли?

– Нет, Ганди, приехали.

– В каком смысле? – тупо спросила Матильда, тряхнув, как корова, отгоняющая мух, своей большой головой. – Нас что, пересаживают на поезд?

– Сейчас все объясню, только разбуджу остальных. – Дуда высосала очередную порцию воздуха, затем возопила: – Караул, падаем!

Тут уж проснулись все, в том числе Дудина кошка Нафа. Когда всем стало ясно, что полет идет нормально, разбуженный народ стал негодовать. Особенно горячилась Матильда.

– Не, на кой черт разбудили раньше времени?! – кричала она. – Так хорошо спала, сон эротический смотрела, а теперь сиди, ассистента карауль, чтоб не нажрался.

– Вот как раз об ассистенте я бы хотела с тобой поговорить! – воскликнула Дуда. – Он кто?

– Кто-кто? Мужик.

– Это ясно – с бабами ты не работаешь. Но как его зовут, где ты его нашла?

– Зовут Кеша, а где нашла, у него спроси...

– Я бы спросила, но он, боюсь, мне не ответит.

– Все-таки напился? – озлилась Матильда. – Кеша, хрен моржовый, ты же мне обещал!

Она резко вскочила с кресла и кинулась к мертвому (по ее мнению, пьяно-спящему) И-Кею.

– Специально ведь рядом с ним села, чтоб проследить, но стоило мне задремать, как он нажрался! – рыкнула Мотя, толкая И-Кею в плечо. – Я ж этой стерве стюардессе говорила, чтоб ничего ему не давала и стол чертов подальше отката, так нет! Поставила рядом с его рылом...

Все с интересом наблюдали за происходящим. Только Ганди оставался равнодушным к спектаклю – он в это время нюхал кокаин, насыпав дорожку белого порошка на подлокотник своего кресла.

– Уймись, женщина?! – вскричал Пол, оттеснив Мотю от трупа. – Неужели не видите, что ваш ассистент мертв?

– Ты че, парниша? Кешка просто надрался.

– Да? А что вы скажете на это?

С этими словами Пол взял мертвеца за волосы и запрокинул его голову назад, чтобы все увидели рану на его шее. Матильда, которая разглядела ее первой, тут же взвыла и, сжав рот пятерней, кинулась в туалет. Остальные же оказались менее впечатлительными, они только охнули и удивленно вытаращились, будто не верили своим глазам.

– Что с ним? – не своим голосом пискнула обладательница густого баритона стилистка Тамара. Мужиковатая по жизни, она и голос имела соответствующий. – Убили?

– А разве не ясно? – хмуро буркнула Ларифан – тощенькая, маленькая, вертлявая, похожая на непоседливую карманную собачку женщина. – Прирезали, как барана...

– Кто, кто прирезал?

– Откуда ж я знаю? Кто-то...

– Кто-то из нас, – весело прогнусил Ганди, вытирая покрасневший нос рукавом. – Вернее, из вас. Я этого хряща не убивал. Весь полет я дрых, как сурок, проснулся две минуты назад от возгласа Дуськи. – Он ткнул ассистентку в бок: – Ларифан, подтверди.

– Подтверждаю, – тут же отозвалась та.

– Выходит, сама ты не спала? – обернулась к ней Дуда.

– Ну... э... спала, но, когда просыпалась, Ганди всегда был рядом.

– Ларифан, подтверди тогда и мое алиби, – вклинился в разговор оператор Марат. – Я через проход от тебя сижу, и ты должна была заметить, что и я со своего места не вставал.

– Подтверждаю, – кивнула коротко стриженной, похожей на небольшой кокос головой Ларифан.

– А мое? – возопил последний член их команды – осветитель по кличке Ключ.

– И твое! – не стала кочевряжиться та.

– Вот и славно, – промурлыкал Ганди. – Получается, мы все вне подозрения...

Дуда, скрестив руки на груди, шагнула к креслу Ганди.

– Как все? – проговорила она, нагнувшись и приблизив

свое лицо к лицу клипмейкера. – А Ларифан? Кто сможет поручиться за нее?

Ганди покосился на свою ассистентку, которая, в свою очередь, испуганно уставилась на него, затем неопределенно пожал плечами.

– Э нет, так не пойдет! – возопила Ларифан. – За счет меня вам сухими из воды выйти не удастся! Я меняю показания! Я тоже спала, как сурок, и ничего не видела и не слышала, поэтому ни одного алиби подтвердить не могу.

– Вот дура, – с сожалением протянул Марат.

Ларифан в ответ показала ему оттопыренный средний палец, после чего обратилась к Дуде:

– Это ты жмурика обнаружила?

– Я.

– Давно?

– Десять-пятнадцать минут назад. Пошла в туалет, смотрю, мужик сидит как-то странно, того гляди на бок свалится, думала, он во сне так накренился, хотела разбудить, чтобы он кресло разложил и лег нормально, тронула за плечо, а он – брямс – и на меня падает. – Дуда резко наклонила туловище, изображая падение тела. – Я так заорала!

– Я не слышала крика. Вообще ничего не слышала, хотя обычно очень чутко сплю. А тут как в яму провалилась...

– И я, – подала свой нежный голосок нежная Ладочка. – И так долго из нее выкарабкаться не могла! Слышу сквозь сон голос Дуды, хочу проснуться, а не могу...

– Это на тебя так снотворное подействовало.

– Я не принимаю снотворного, ты же знаешь! Только тра-
вы...

Пришлось Дуде объяснять Ладе, а заодно и всем осталь-
ным о совместных выводах относительно подмешанного в
напитки снотворного. Пока она излагала их, из туалета пока-
залась Матильда. Прикрыв глаза ладонью, она прошла мимо
мертвого И-Кея и уселась в пустующее кресло Пола. В отли-
чие от всех остальных слушала она Эдуарду вполуха, напря-
женно размышляя о чем-то своем, но, когда Дуда закончи-
ла повествование вопросом: «Кто мог подмешать в напитки
снотворное?», ответила на него именно Мотя.

– Это Кешка сделал, – не выходя из задумчивости, протя-
нула она. – Вот я только не пойму зачем...

– Нет, ты ошибаешься, – не согласилась с ней Дуда. –
Это не мог быть Кеша. Ведь он жертва, а снотворное, ско-
рее всего, добавил убийца, чтобы спокойно умертвить твое-
го несчастного ассистента.

– Кешка у столика крутился, бутылки цапал, – перебила ее
Матильда. – То одну возьмет, то другую... Я-то думала, что
он втихаря тяпнуть хочет, а он, значит, незаметно в них сно-
творное подсыпал. – Она подняла свои коровьи глаза на Ду-
ду. – А больше никто к столику не подходил. Это я точно мо-
гу сказать, потому что как заметила Кешку рядом с ним, так
больше глаз с него не спускала! Стюардесса по моей просьбе
этот стол в тот угол вкатила, который хорошо просматрива-

ется с моего места.

– Эй! – громко вскричала Томочка своим привычным баритоном. – Эй, народ! А где стюардесса? Почему ее нет в салоне? Что за безобразие такое! У нас тут трупы, а она где-то шляется.

– Где она может шлаться, милая? – хохотнул Ключ. – Тут, кроме салона и сортира, больше помещений нет.

– Есть еще кабина пилотов, – меланхолично заметил Марат. – Наверное, она там...

– Оптимист ты, Маратик, – дурковато хохотнул Ганди. – Я лично думаю, что она уже того... – Он чикнул указательным пальцем себе по горлу. – Готовенькая! И лежит сейчас где-нибудь в багажке в виде хладного трупа. – Ганди подергал себя за бороду и добавил: – Убрали, как единственную свидетельницу! Только она весь полет не спала, ей не положено – значит, видела убийцу!

– Какой бред, – поморщилась Ларифан. – Даже если б ее и убили, то оставили бы в кресле, как и Мотиного ассистента. Зачем один труп прятать, а второй выставлять напоказ?

– Сие мне неведомо – в психологии маньяков я разбираюсь плохо.

– Уже до маньяков договорились! Еще пара понюшек – и окажется, что чувака порезали космические человечки, чтобы извлечь из него внутренности для анализов!

– Отличный сюжет для фантастического триллера, – криво усмехнулся Марат. – Возьми на вооружение, Ганди!

– Я кино не снимаю, ты же знаешь...

– Пора начать. Тем более Ларифан подкинула чудную идейку. Осталось только написать диалоги, продумать концовку и решить, кто из нас окажется спасителем вселенной, а кто законспирированным гуманоидом.

– Да заткнитесь вы, идиоты! – истерично выкрикнула Ларифан. – У нас на борту труп, а вы скалитесь!

– А что, плакать прикажешь? – не меняя тона, отозвался оператор. – Я этого хрена в первый раз вижу, мне по барабану, жив он или мертв...

– А то, что среди нас убийца, тебе тоже по барабану?

– Если он не маньяк и не космический человечек, то да. – Он поднялся с кресла, потянулся и направился в хвост салона со словами: – Пойду отолю.

– Нам бы всем не мешало сходить, – бросил Клюв, проводив Марата взглядом до двери туалета. – Когда приземлимся, не до этого будет. Допросы, очные ставки и прочие прелести расследования по горячим следам.

– По горячим не получится, – впервые подала голос мымра-секретарша. – Там, куда мы летим, нет милицейского участка.

– Мы что, летим в рай? – гоготнул Ганди.

– Нет, в горы. – Она поправила очки и, беспрестанно теребя кончик своего жиденького хвостика, заговорила: – Дом хозяйки «Даров Севера» госпожи Рэдрок стоит на горном плато. На высоте восьмисот метров над уровнем моря.

Крупных населенных пунктов поблизости нет, есть только небольшой поселок в предгорье, и там должен быть участковый, но он наверняка бестолковый... Придется вызывать оперативников из района...

– Стоп, девушка! – прервала ее сбивчивую речь Дуда. – Давайте еще разок про плато и уровни моря. Я не врубилась, мы что, приземляться на горные пики будем?

– Дом госпожи Рэдрок находится на территории жилого комплекса под названием «Горный хрусталь», – пустилась в объяснения секретарша. – Это фешенебельный комплекс для очень-очень-очень богатых людей. В него входит пять частных особняков, горнолыжная турбаза, гостиница, торгово-ресторанный комплекс и небольшой аэродром для таких легких самолетов, как этот...

– Так мы в буржуйскую деревню летим? – разочарованно протянул Ганди. – А мне пообещали уединенное, не тронутое цивилизацией место. Девственный снег... – Он зло потрянул головой, и колокольчики в его бороде затренькали на все лады. – Опять обманули, сволочи!

– Нет-нет, вас не обманули, – поспешила успокоить его секретарша. – В «Горном хрустале» сейчас никто не проживает. Он практически необитаем. Гостиница закрыта, турбаза не функционирует, особняки пустуют. Жилым остался только дом госпожи Рэдрок, но и она скоро съедет.

– И чем вызвано такое падение популярности этого фешенебельного комплекса?

– Сходом лавин. В этом году обвалы случались уже дважды. Сначала засыпало гостиницу, к счастью, успели всех эвакуировать, и никто не пострадал, но второй сход унес две жизни. Погибли хозяин одного особняка и его охранник... – Она отбросила свой хвост и занялась пуговицей на блузке. – После этого все «Горный хрусталь» и покинули. Там стало страшно жить...

– Какой ужас! – всхлипнула Ладочка. – Почему нас не предупредили? Я бы ни за что не поехала!

– Опасности никакой нет, не беспокойтесь...

– А я не беспокоюсь – я в ужасе!

– Особняк госпожи Рэдрок стоит на таком месте, до которого не доходят лавины. Перед началом строительства Элена консультировалась со специалистами, кроме того, советовалась со старожилами поселка, испокон века живущими в горах. И те и другие сошлись во мнении и указали на тот участок территории, где теперь стоит дом моей хозяйки. – Заметив в глазах слушателей недоверие, она пустила в ход еще один аргумент: – Когда засыпало соседний особняк, до нас даже снежинки не долетали! Вот почему госпожа Рэдрок не боится оставаться в «Горном хрустале»...

– Раз не боится, почему валить собралась? – рыкнул на нее Ключ.

– Там стало скучно жить.

– И жутковато, наверное, – поежилась Матильда. – Я бы ни за что не осталась в этом вымершем месте одна...

– Она не одна. В доме еще проживаю я, ее секретарша, охранник Антон, горничная, повариха, прачка... Сейчас, правда, только мы с Антоном остались – прислугу хозяйка рассчитала, так как собирается покинуть особняк вместе с вами, мы же займемся вывозом вещей...

– Во веселуха, – буркнул Клюв. – Даже пожрать приготовить некому...

– В холодильнике огромный запас замороженных полуфабрикатов, мяса, рыбы, овощей. Есть микроволновка, гриль, мангал, если захотите шашлыка. Еще у госпожи Рэдрок отличный винный погребок...

Последнее известие порадовало не только осветителя, но и всех остальных, даже малопьющую Эву и совсем непьющую Ладочку. Но долго пребывать в приподнятом настроении им не пришлось, поскольку в следующее мгновение в салон влетел взлохмаченный Марат и, задыхаясь, выкрикнул:

– Я нашел стюардессу! Она там... – И он ткнул оттопыренным большим пальцем себе за спину. – Вроде мертвая...

– Где там? – первый среагировал на сие сумбурное заявление Пол. – В туалете?

– Нет, дальше... – Марат беспорядочно замахал уже обеими руками и на сей раз в разных направлениях. – Там коридорчик, я по нему прошел, вижу, какое-то подсобное помещение... Посуда там всякая, раковина, полотенца...

– Ну и?

– И она. Сидит на стуле. Вот так... – Он плюхнулся в крес-

ло, свесил руки вдоль туловища, разбросал ноги, а голову уронил на грудь. – И как будто не дышит...

Больше Пол его слушать не стал, рванул по проходу в хвост. Остальные поспешили за ним. В узком коридорчике разойтись даже двоим было крайне сложно, поэтому возле туалета образовалась пробка, и Дуде, которая замешкалась на старте, пришлось активно поработать локтями, чтобы пробиться в первые ряды. Пока она прорывалась, Пол успел подойти к сидящей на стуле стюардессе, осмотреть ее с ног до головы и сообщить остальным, что ран на теле нет.

– Пульс проверь, – выпалила Дуда, наконец-то выбравшись из толпы. – Может, она и не умерла вовсе...

Пол послушно прикоснулся пальцами к шее девушки. Постояв несколько секунд в неподвижности, обернулся и радостно воскликнул:

– Есть, есть пульс! Жива!

– Тогда что с ней? – спросила Дуда, подходя к Полу. – Обморок?

– Скорее крепкий сон, – ответил он. – Смотри, на полу рядом со стулом стакан валяется, а вокруг него желтая лужа...

– Сок?

– Сок.

– Выпила и отключилась, как все мы, – прокомментировал услышанное Клюв.

– Надо бы ее разбудить, – пискнула зажатая между борцовским плечом Матильды и мускулистым торсом Марата

худющая, как атлантическая килька, визажистка Ника. – А то она того гляди со стула свалится.

Дуда легонько тряхнула стюардессу за плечо. Не дождавшись реакции, тряхнула еще раз, уже сильнее. От толчка голова девушки откинулась назад, затем упала на грудь, ткнувшись подбородком в бейджик с надписью «Юлия Антонова», а сама она начала потихоньку сползать со стула, так и не проснувшись. Дуда подхватила Юлю, попыталась усадить на место, но неподатливое тело кренилось то в одну сторону, то в другую, что грозило неумолимым падением.

– Давай ее положим куда-нибудь, – предложил Аполлон. – Хоть на пол. Только надо одеяло подстелить...

– Эй, зачем на пол? – окликнул его Марат. – Вон банкетка в углу. Девчонка на ней запросто поместится.

Пол согласно кивнул и, легко подняв Юлю на руки, перенес ее на банкетку. Опустив спящую на мягкое кожаное ложе, он подсунул ей под голову сложенный в несколько раз плед, еще одним накрыл сверху. Пока он совершал все эти действия, Дуда стояла в сторонке, с испугом глядя на молочно-белое Юлино лицо, и кусала губы.

– Чего с тобой? – удивился Пол, когда, обернувшись, увидел состояние Эдуарды.

– Со мной ничего... А вот с ней?

– Наверное, она очень много сока выпила и, следовательно, получила огромную дозу снотворного. – Он покосился на Юлю, похожую в этот момент на один из экспонатов музея

восковых фигур. – Поэтому так глубоко и заснула...

– По-моему, она в коме.

– Да брось!

– Точно тебе говорю. Не может человек так крепко спать даже под действием снотворного. Когда я ее трясла, у нее веки совсем не дрожали. – Дуда вновь глянула на стюардессу и едва заметно поежилась. – Она ж как мертвая, только дышит...

– Я слышала, у некоторых на медикаменты, в том числе снотворное, страшная аллергия, – подала голос Матильда. – Как примут, сразу сознание теряют... А могут и умереть!

– Да, да, да, – часто закивала своей узкой кошачьей головой Ника. – У меня племяшка такая. Ей сейчас шестнадцать. Год назад ей впервые зубы понадобилось полечить, врач ей обезболивающее вколол, а она тут же отрубилась. Очнулась уже в реанимации. Оказалось, у нее на ледокаин аллергия...

Все загалдели, обсуждая услышанное, каждый вспомнил, что и у него есть родственник-аллергик, и всем хотелось поделиться историей этого родственника с остальными, но многоголосый гвалт перекричала Дуда, перейдя ради такого случая на бас.

– Тихо! – рыкнула она. – Не галдеть!

Все тут же замолкли и с удивлением уставились на Дуду. Дождавшись всеобщего внимания, Эдуарда ткнула черным ногтем в висящий на стене телефон. Аппарат был небольшим, беленьким, с квадратной трубкой, но без кнопок или

диска для набора номера. При этом на его передней панели имелась лампочка, которая в этот момент мигала красным и издавала негромкие, но настойчивые сигналы.

– Это из кабины пилотов звонят, – проявил осведомленность Марат. – Стюардессу вызывают... – Он вытянул руку и, сняв трубку, протянул ее Эдуарде: – Послушай.

Несколько испуганно Эдуарда поднесла трубку к уху.

– Юленька, объявляй посадку! – вырвался из нее громкий голос капитана, услышанный всеми. – И проследи, чтобы все пристегнулись! Может немного потрясти – сопротивление ветра очень сильное...

Отдав сей приказ, капитан отключился. Дуда тут же повесила трубку и воскликнула:

– Чего стоим? Побежали пристегиваться! Потрясти может!

Все дружно ринулись в салон. Расселись. Эва, устроившись на своем кресле, выглянула в иллюминатор. Под ними были горы. Горы, горы, горы – куда ни глянь. Покрытые снегом и льдом, они сверкали в ярком свете утра, маня и завораживая.

– Какая красота! – не смогла сдержать восторга Эва.

– Вы правы, – услышав ее возглас, откликнулась секретарша Элены Рэдрок. – Горы поражают великолепием! Но лучше ими наслаждаться из иллюминатора, окажись вы там, среди вершин, у вас бы с непривычки заболела голова, сдавило грудь и заложило уши...

– В «Горном хрустале» мне это не грозит?

– Нет. Там вы будете себя прекрасно чувствовать. Высота комплекса оптимальная для жизни. Но если вы надумаете покататься на лыжах и подниметесь выше, то можете почувствовать сонливость и давление на барабанные перепонки... – Она бросила взгляд в иллюминатор и радостно воскликнула: – Вот мы и на месте! Смотрите, под нами посадочная полоса...

Эва тут же прилипла к стеклу и увидела поблескивающую инеем асфальтовую дорогу, тянущуюся вдоль обширного горного плато. В отличие от привычных полос аэропорта она была какой-то короткой и не внушала доверия.

– Нам хватит ее длины, чтобы благополучно сесть? – обеспокоенно спросила Эва.

– Конечно. Наш пилот раз двадцать уже садился на нее. И всегда благополучно. Он очень опытный летчик.

– Надеюсь, ему кто-то помогает с земли? – никак не могла успокоиться Эва. – Диспетчер какой-нибудь...

– Раньше, когда «Горный хрусталь» был обитаемым, диспетчер имелся. И не один. У нас тут самый настоящий, пусть и небольшой, аэропорт был. Работал он круглосуточно, поскольку самолеты то и дело взлетали и садились. – Она схватилась за поручни кресла, так как самолет начало потряхивать, и продолжила таким же спокойным голосом: – У каждого из пяти хозяев особняков было по своему самолету, один принадлежал турбазе, итого, шесть, не считая гостевых...

– А не легче в горы подниматься на вертолете? Это и безопаснее, и дешевле...

– Конечно, легче, но как же понты? Это ж так круто – приземляться на своих самолетах чуть ли не на задний двор! Вы не представляете, сколько хлопот было с регистрацией этого аэропорта! Не хотели разрешать, но одной из вилл когда-то владел очень известный политик (ныне покойный), которому приходилось то и дело летать в Москву, а с пересадками долго и некомфортно, вот он и подсуетился. Кстати, если вы вдруг забыли, меня зовут Ольга. Так удобнее разговаривать, правда? – Ольга ободряюще подмигнула Эве, видя, как та нервничает, и продолжила: – Но сейчас здание аэропорта заперто, все оборудование из него вывезено, правда, в диспетчерской до сих пор функционирует рация, по которой в экстренных случаях можно связаться с бортом самолета.

– В каких таких... экстренных случаях? – выдохнула Эва.

– Передать штормовое предупреждение, например. Тут, знаете ли, такие ветра и выюги бывают, что ни один пилот в такую погоду самолет не посадит.

– Но кто это его передает, если аэропорт заперт?

– У Антона есть ключи от здания и от всех комнат. И он прекрасно умеет обращаться с рацией. – Она тепло улыбнулась, и у Эвы мелькнула мысль, что между Ольгой и неведомым Антоном что-то есть. – Он у нас на все руки. И охранник, и мажордом, и шофер, и дворник, и техник, и сантехник. Не знаю, что бы госпожа Рэдрок без него делала...

— А вот скажите мне, — невежливо прервала ее Эва, не желающая слушать о талантах охранника госпожи Рэдрок, но нуждающаяся в заверениях относительно безопасности полета. — Если тут ветра и бури, тогда куда самолету деваться? Разворачиваться и назад в Москву?

— Нет, конечно. Тогда нас примет аэропорт ближайшего города Х. Между прочим, наш самолет есть на его радарх, так что мы летим небесконтрольно...

Тут самолет тряхнуло гораздо ошутимее, чем все предыдущие разы, и Эва поняла, что шасси коснулись земли.

Глава 4

«Красная скала»

Самолет стоял неподвижно уже минуты две, но ни один из пассажиров не покинул своих кресел. Все ждали, когда делегированный в кабину пилотов Пол вернется в салон вместе с летчиками и с планом дальнейших действий. Наконец они появились из-за двери. Сначала капитан, потом второй пилот, последним – Пол.

– Где он? – мрачно спросил капитан у Пола.

Пол молча ткнул пальцем в направлении мертвого Иннокентия.

– Где она? – истерично выкрикнул второй пилот.

Согнув указательный палец, Пол изобразил направление, куда следует идти, чтобы найти спящую стюардессу. Получив ответы на свои вопросы, пилоты кинулись по проходу в хвост самолета. За их передвижением пристально наблюдали четырнадцать пар глаз, но особое внимание было приковано к капитану: всем было жутко любопытно, как он прореагирует на мертвеца. К всеобщему разочарованию, реакция бортового начальника была весьма сдержанной. Он только поморщился, увидев рану на шее, да округлил глаза, заметив торчащий из графина нож.

– Что скажете, капитан? – обратился к нему Пол.

– Скажу, что один из вас убийца, – после паузы ответил

тот.

– Это мы и без вас знаем! – насмешливо воскликнул Ганди. – От вас требуется дельный совет, а не констатация очевидных фактов.

– Что нам делать? – спросила костюмерша Катя таким благоговейным тоном, будто обращалась сейчас не к пилоту самолета, а к живому пророку Моисею.

– Я бы сказал, сидеть в самолете до приезда милиции...

– Один съемочный день псу под хвост! – выругался Ганди.

– ...если бы у нас на борту не было человека, нуждающегося в помощи, – закончил фразу капитан, неодобрительно глянув на прервавшего его режиссера. – Юленьку надо срочно везти в больницу. И так как поблизости таковой нет, то транспортировать ее необходимо самолетом.

– Значит, вы собираетесь сейчас улетать? – нахмурилась Дуда.

– Да. Чем быстрее, тем лучше...

– А мы как же?

– А вы отправитесь в дом госпожи Рэдрок и будете там ожидать приезда милиции, которую Ольга Сергеевна... – секретарша тут же подняла руку, давая понять, что Ольга Сергеевна именно она, – вызовет, съездив на машине в поселок Зеленый...

– А банально по ноль два позвонить никак нельзя? – растерянно протянула Дуда.

– Телефонная связь в «Горном хрустале» сейчас не рабо-

тает, – ответила на ее вопрос Ольга Сергеевна. – Спутниковая тоже...

– А мобильная? – не на шутку взволновалась Дуда.

– И мобильная, – убила ее секретарша.

Не веря ушам своим, Эдуарда вытряхнула из кармана свой мобильник, глянула на его экран и, увидев вместо значка сотового оператора надпись «Поиск сети», застонала. Остальные тоже полезли за телефонами, и уже через несколько секунд страдальческий стон разнесся по всему салону.

– Но вы не волнуйтесь, – принялась успокаивать их Ольга Сергеевна. – Поселок недалеко. На машине отсюда двадцать минут езды, а от дома Эллены Рэдрок сорок. Там уже и городская связь есть, и мобильная...

– Слушай, народ, – обратился ко всем Марат. – А не рвануть ли нам обратно в Москву? Полетели, на фиг, отсюда! Среди нас, блин, маньяк какой-то, а в этом чертовом «Хрустале» даже телефона нет! Что делать будем, если он еще кого-нибудь прирезать надумает?

– Я с Маратом согласен – надо всем вместе лететь! – откликнулся Клюв. – Но не потому, что боюсь оказаться следующим жмуром, просто наши столичные менты в сто раз башковитее местных, они убийцу в момент вычислят.

– А как же съемка? – встрепенулся Ганди.

– Снимем в Москве. Сейчас на «Мосфильме» любые декорации сварганить могут. Хошь Кавказские горы, хошь альпийские луга.

– Заказчик на это не согласится. К тому же на изготовление декорации требуется время, а у нас его нет – у Эвы каждый день расписан, и с нами она работает только с сегодняшнего дня и до послезавтра. – Ганди, вытянув шею, посмотрел на Эдуарду. – Правильно я говорю, Дуся?

– Совершенно верно, – откликнулась та. – Потом же мы уезжаем на неделю в Италию – снимать рекламный ролик для фирмы «Джакузи». Еще хочу довести до вашего сведения тот факт, что в Эвином контракте есть пункт, согласно которому Эва получает свой гонорар даже в том случае, если съемки сорваны НЕ по ее вине. Так что мы-то денежки получим, а вы все нет. Да еще неустойки заплатите!

Последнее заявление Эдуарды заставило всех замолчать, только Марат порывался что-то возразить, но тут в салон влетел второй пилот и, увидев сидящих на своих местах пассажиров, вскричал взбешенно:

– Почему все еще тут?

– Они собираются возвращаться вместе с нами, – прояснил ситуацию капитан.

– Ничего не получится! Топливо рассчитано на «легкий» обратный полет! Без людей и техники. Так что выходите немедленно и выгружайте все свое добро. Мы улетаем.

– Покойничка тоже брать? – не изменяя своему насмешливому тону, спросил Ганди. – Или вам оставить для компании?

– Да, надо решать, – сказал капитан, – что делать с трупом.

Если будет задействована местная милиция, то выгружать, но тогда мы нарушим картину преступления...

— Труп возьмем с собой, — быстро решил помощник пилота. — Как приземлимся, вызовем милицию. Пусть они пока осматривают место преступления, отпечатки снимают, анализы сока проводят, вскрытие покойника делают. А уж свидетелей позже допросят, когда мы их в Москву доставим. Или пусть с нами послезавтра летят, чтоб на месте разобратся.

— Так и поступим, — согласился с ним капитан. — А теперь, господа, прошу всех на выход. И побыстрее!

* * *

Через пятнадцать минут самолет взлетел и отправился в обратный путь, оставив на земле тринадцать человек и одну кошку. Тринадцать, а не четырнадцать, так как Марат пожелал вернуться в Москву. И уговорить его остаться не смог никто, даже Ганди. Не помогло ни запугивание («Я на тебя в суд подам, гаденыш, за срыв съемок!»), ни слезные просьбы («Как друга прошу — останься!»), ни призывы к совести («Как я буду снимать без тебя, ты подумал?!»), ни посулы («Отдаю часть своего гонорара!») — Марат даже не вышел из самолета. Но надо отдать ему должное, все свое операторское оборудование он отдал Ганди. «Ты сам умеешь снимать, — сказал он режиссеру на прощание. — Мы же с тобой

вместе начинали! Так что справишься... А лучше полетели вместе. И плевать на деньги! Я чувствую, эти горы погубят нас!» В ответ Ганди послал его на три известные буквы и, спустившись по складному трапу, зашагал к остальным.

Через две минуты самолет взлетел и, провожаемый тринадцатью парами людских глаз, скрылся в облаках.

– Когда он вернется за нами? – спросила Эва у Ольги Сергеевны, оторвав взгляд от поглотившего самолет неба.

– Как договаривались – послезавтра в семь. Если, конечно, погода будет летной...

– А если нет?

– Тогда сразу, как наладится.

Эва хотела выразить надежду на то, что погода не подведет, но тут к Ольге Сергеевне подлетела Дуда и начала трясти за локоть.

– Милочка, милочка, а где, собственно, жилье? – требовательно вопрошала она, не выпуская руки секретарши из своих цепких пальцев. – Я пока ничего, кроме вон того сарайчика, – она указала на крепкое двухэтажное здание бывшего аэровокзала, – не вижу. Надеюсь, это не дом госпожи Рэдрок?

– Нет, конечно. До него еще нужно ехать.

– На чем? Уж не на собачьей ли упряжке?

– Нет, на машине.

– О! Хоть одно благо цивилизации есть в этом диком краю!

– Долго ехать? – спросил подошедший к ним Пол.

– Пятнадцать-двадцать минут. В зависимости от состояния дороги. – Она повела подбородком в сторону асфальтового серпантина, ведущего вверх. – «Горный хрусталь» расположен выше... Там гораздо красивее и снега больше, а это немаловажно для горнолыжного курорта.

– Трассы там сохранились? – заинтересовался Пол.

– Трассы, может, и сохранились, но канатная дорога, которая вела к ним, не функционирует, а своим ходом до них добраться невозможно. – Ольга Сергеевна бросила взгляд на зачехленный сноуборд, который Пол держал в руках. – А на этом есть где покататься. Наш охранник Антон, как и вы, увлекается сноубордом, он вам покажет свои «рыбные» места...

– Слышала, Дуда, какой тебе облом? – обернулся к Эдуарде Пол. – До трасс не добраться. Выходит, зря ты лыжи с собой тащила...

Дуда, стоявшая в обнимку с новехонькими «карвингами», тяжело вздохнула. Она отдала за них пятьсот евро, плюс костюм горнолыжника, плюс специальные очки, плюс шлем, итого полторы тысячи, а все для того, чтобы покрасоваться на профессиональных трассах, изображая из себя бывалую лыжницу, да сфотографироваться во всем своем великолепии для истории. В архиве Дуды было море таких снимков. Она с аквалангом, она за штурвалом яхты, она готовится выпрыгнуть из самолета с парашютом, она пристегивает к по-

ясу трос, собираясь взобраться на гору. Благодаря этим фотографиям за Дудой закрепился имидж крутой экстремалки без страха и упрека, чего она, собственно, и добивалась...

– Тем более такие, – продолжил лыжную тематику Пол. – Которые тебе совершенно не подходят.

– Почему это? – подозрительно спросила Дуда, решив, что он намекает на алый цвет пластика, а он, она знала, не очень ей шел.

– У тебя лыжи для опытных горнолыжников, предпочитающих агрессивный стиль катания. А ты, насколько я понимаю, пока новичок...

– Я уже каталась, – упрямо возразила Дуда. – Прошлой зимой...

– Одной зимы мало, чтобы уверенно стоять на таких «карвингах». Тебе бы надо было купить что попроще...

– Еще чего! Я выбрала самые дорогие, что были в магазине! Эти стоят пятьсот евро, – она самодовольно улыбнулась. – Последняя коллекция...

– Тебя развели, Дуда. Твои лыжи из прошлогодней коллекции. И стоят они триста пятьдесят евро. Так что, когда вернешься в Москву, сдай их обратно, а себе купи простенькие массовые лыжи.

– Нет, я не буду их сдавать! Я сломаю их об голову того гада, который мне их втюхал! – Дуда яростно потрясла лыжами. – Прошлогодняя коллекция! Обалдеть! Почти прошлый век...

Пол пытался успокоить ее, объяснив, что мода на спортивное снаряжение не так скоротечна, как на одежду, но Эдуарда все равно страдала, удрученная тем, что ее провели как «последнюю лохушку». Пока она костерила продавца-консультанта из спорттоваров, к Ольге подошли клипмейкер со своей ассистенткой.

– Когда поедет, дамочка? – хмуро спросил Ганди, которого предательство Марата привело в дурное расположение духа. – Все уже замерзают...

На самом деле никто не мог пожаловаться на холод, так как погода стояла чудесная. Ни ветра, ни снега, ни дождя, а южное солнце пригревало не по-зимнему жарко. Эва даже распахнула свой лисий полушубок от «Дольче и Габбаны», дабы немного проветрить вспотевшее тело, Клюв сорвал с головы меховую шапку, давая подышать своей блестящей лысине, а костюмерша Катенька, погребенная под грудой Эвиных вещей, вообще разделась, оставшись в свитере и джинсах. Всем было жарко, но у каждого на лице читалось блаженство. Как же, из холодной, слякотной, мрачноватой в это время года Москвы – да в этот солнечно-снежный рай! Тем более воздух в горах был такой, что его хоть пей. Эва так и делала. Втягивала его ртом, смаковала и глотала, ощущая приятную прохладу в легких. А пока пила-дышала, наблюдала за своими девочками.

Ближе всех к ней стояла Тома. Довольно высокая, ширококостная, но не толстая, она походила на метательницу

молота. Массивные плечи, сильные руки, но полное отсутствие бедер. Насколько Эва знала, Тома качалась, намеренно «омужичивая» свою фигуру. А вот лицо у стилистки было очень женственным, приятным. И даже ультракороткая прическа не делала его грубее. Одевалась Тома, как подобает специалисту по моде, прекрасно. Стильно, дорого, актуально. Но Эва ни разу не видела ее в юбках. Видимо, это было связано с нетрадиционной сексуальной ориентацией, поскольку прятать ноги ей было незачем – они у Тома были стройными и длинными.

В отличие от Наташкиных ног. У Эвиной парикмахерши вообще фигура была кошмарной. Ни талии, ни груди, одни широкие бедра и короткие кривые ножки, которых она совершенно не стеснялась: ходила и в мини, и в брюках в обтяжку, плюя на мнение окружающих. Ей нравилось, и ладно! А вот со своими роскошными черными волосами она поступала жестко. Кромсала их, не глядя, все краски проверяла на себе, а ухаживать совсем не ухаживала. Ревностно следя за состоянием Эвиных волос, на свои она не тратила времени. Вот и ходила как баба-яга. Вечно лохматая, обросшая, но с неизменной длинной челкой, из-под которой весело поблескивали серо-голубые глаза. Именно они сводили мужчин с ума, и Натуся, несмотря на свою кошмарную фигуру и неухоженные патлы, пользовалась у представителей сильного пола большим успехом. А так как сама она была человеком абсолютно бесстрастным, то к своим любовным побе-

дам относилась с полнейшим равнодушием. Как и к мужчинам, с которыми заводила романы. Будучи твердо уверенной в том, что секс полезен для здоровья, Натуся завязывала отношения только ради него, ни разу в жизни не влюбившись, не страдая и не стремясь к браку.

На фоне патлатой чернявой Наташки Ладочка, которая стояла с ней рука об руку, казалась эдакой картинкой из детской книжки. Хрупкая, нежная, белокурая, она напоминала сказочную принцессу. Мужикам эта сказочность ужасно нравилась. А Ладочке нравились только их деньги. Очаровывая всех без разбора, встречалась она лишь с богатыми мужчинами. Последний ее избранник владел сетью заправочных станций и входил в сотню самых состоятельных людей России. Был он, естественно, женат, но Ладочка намеревалась его через годик с женой развести. Наперекор внешней мягкости она являлась крепким орешком: зная, чего хочет, всегда добивалась своего. Не имея высшего образования, богатых родственников (Ладочка приехала в Москву из какой-то глухой провинции), она чудесно устроилась. За несколько лет, проведенных в столице, обзавелась шикарной квартирой, машиной, гардеробом, а из безликой инструкторши по фитнесу превратилась в личного тренера БОГИНИ. И все благодаря влюбленным в нее мужикам! Особенно последнему – «бензинщику», которого Ладочка уже воспринимала как будущего супруга, но, несмотря на это, направо и налево ему изменяла.

А вот визажистка Ника уже несколько лет была одинока. С мужем она развелась, а достойной замены, вертась в «нетрадиционном» модельном бизнесе, найти не могла. Хотя очень хотела. Одно время она даже в Интернете пыталась отыскать себе пару, но как-то не срослось. На почве личной неустроенности Ника сильно похудела и теперь напоминала глисту (Дуда ее только так и называла) без необходимых каждой женщине выпуклостей. Но лицо у нее было очень интересным. Узкое, остренькое, с прямым коротким носом и огромными светлыми глазами, оно напоминало кошачье. По крайней мере, Дудина Нафа могла сойти за Никину сестру. У них и фигуры были похожими. Что одна тощая, что вторая!

Не в пример ей костюмерша Катерина отличалась пышными формами. Мягкая, уютная, вся в милых ямочках и складочках, она постоянно сидела на диетах, чтобы избавиться от десятка лишних килограммов. Но, выдержав пару недель, срывалась и до отвала наедалась шоколадом. Полнота ее совсем не портила, скорее напротив – придавала пикантности, но Катерина все равно из-за нее страдала. А все потому, что со школьных времен мечтала стать моделью, но из-за лишнего веса ее ни в одну школу манекенщиц не брали. Говорили, надо похудеть. Катя клятвенно обещала это сделать, но за пятнадцать лет, что миновали с первого похода на кастинг, не только не сбросила ни килограмма, а наоборот – набрала. Так вся жизнь у нее и проходила в битвах с лишними килограммами. Поэтому на отношения с мужчинами времени

не было. Романы у веселой, хорошенькой Катерины случались часто, но ни один поклонник не мог долго выдерживать долгих разговоров о калориях и истерик по поводу трехсот лишних граммов...

– А вот и машина! – воскликнула Ольга Сергеевна радостно. – С небольшим опозданием, но едет!

Она и вправду ехала, осторожно преодолевая крутые повороты серпантина. Достигнув посадочной полосы, автомобиль прибавил ходу и уже через полминуты затормозил возле заждавшейся компании.

– Я думала, будет лимузин, – насупилась Эдуарда. – А тут какой-то паршивенький минивэн...

– В горах удобнее на нем, чем на неповоротливом лимузине, – парировала Ольга Сергеевна.

– Но он меньше – мы все туда не уберемся.

– Придется потесниться... – бросил из кабины водитель, лицо которого пока скрывали тонированные стекла.

– Как прикажете? Сидеть друг у друга на головах?

– На коленях. – Он распахнул дверь, чтобы выйти из машины. – Это лучше, чем кому-то оставаться тут и ждать, когда за ним вернутся...

– А сразу две машины нельзя было прислать? – не унималась Дуда, категорически не желавшая сидеть у кого-то на коленях, а уж тем более подставлять свои.

– Нельзя, – отрезал парень, спрыгивая на землю.

Эдуарда, привыкшая оставлять последнее слово за собой,

раскрыла рот, дабы бросить что-нибудь едкое, но так и застыла с округленными губами, едва разглядев парня. Таких прекрасных лиц много повидавшей на своем веку Дуде видеть не приходилось! Даже эталонный красавец Пол проигрывал этому горцу по всем статьям. Пол был роскошен, сексуален, притягателен, но немного грубоват. Будто небесный творец, вырезая его лицо из камня, забыл его отшлифовать после обточки. Зато над мальчиком (ему не было и восемнадцати) из «Горного хрусталя» он потрудился на славу: тонкие черты поражали своей правильностью, а кожа немужской гладкостью и контрастной с темными волосами белизной. Только глаз Дуда не смогла оценить – они были прикрыты массивными горнолыжными очками.

– Знакомьтесь, господа, это Антон, – представила красавчика Ольга Сергеевна. – Наш чтец, жнец и на дуде игрец.

– Специалист широкого профиля? – хмыкнула Дуда, уже справившаяся со своим удивленным восхищением.

– Можно и так сказать. Так что обращаться к нему можете по любым вопросам.

– У меня один вопрос! – рявкнул Ганди. – Когда мы, черт возьми, поедем?

– Сразу, как рассядетесь, – спокойно ответил Антон. – Я жду только вас.

– А техника? Тут будет валяться? Для нее уже в вашей таратайке места не хватит!

– Пусть полежит пока, я за ней вернусь через полчаса.

– Тут полежит? – задохнулся возмущением Ганди. – Без присмотра? Да вы представляете, сколько она стоит?

– Здесь ни одной живой души нет. Никто не возьмет.

Ганди тряхнул бородой, давая понять, что слушать ничего не хочет, а сердитое треньканье колокольцев это подтвердило.

– Давайте личные вещи загрузим в багажник, а все остальное перенесем в здание аэровокзала, оно запирается, – быстро замяла конфликт Ольга Сергеевна. – И технику, и костюмы, и лыжи. Антон сначала отвезет нас, потом вернется за вещами...

С этим предложением склочный клипмейкер согласился. Поручив перетаскивать технику Клюву и Ларифан, сам он забрался в салон и занял самое лучшее место. Однако проехать с комфортом ему не позволили – на одно колено посадили Катю, на другое Нику, а в ногах поставили корзину с кошкой Нафой. Другие ехали не лучше. Особенно не повезло Дуде, которой пришлось делить сиденье с широкозадой Матильдой и вертлявой Ларифан. И только Эва не могла пожаловаться на неудобства – ее, как признанную звезду, посадили рядом с водителем, а пристроившаяся сбоку Ольга старалась всю дорогу сидеть на краешке кресла.

– Будь проклят тот день, когда мы подписали контракт с вашей фирмой, – простонала Дуда, отпихивая локоть Ларифан, ввинтившийся ей в бок. – Наши страдания не стоят тех денег, которые вы нам заплатите!

– Не борзей, Дуся, – осадил ее Ганди. – За «лимон» можно и пострадать!

– Откуда ты знаешь размер гонорара? Это коммерческая тайна...

– Сама же перед отлетом хвалилась, – ответил он, и, побряхтев, добавил: – А вот мы ради чего мучаемся, не ясно.

– Я от лица госпожи Рэдрок приношу вам всем извинения, – тут же откликнулась Ольга.

– А на кой нам ваши извинения? Вы нам условия должны обеспечить. Комфорт проживания и доставки до места. А получается, заманили в какую-то дыру, где нам даже пожрать никто не сварит, везете, как сельдей в бочке! Я уж молчу про отсутствие в вашем «Хрустале» телефона, это вообще ни в какие ворота...

– Да вы поймите, друзья, что это форс-мажор! Никто ведь не мог предположить, что будет сход лавин! Еще месяц назад, а именно тогда составлялся договор, «Горный хрусталь» был роскошным курортом, посетить который мечтают многие! Вы были бы дорогими гостями дорогого дома! Роскошного дома... Вы просто не видели его! Это дворец...

– Тогда я не врубаюсь, зачем вашей хозяйке понадобилось предоставлять свой дворец для съемок. Зачем гонять самолет туда-сюда, тратиться на наше проживание. Гораздо проще снять павильон, выстроить горы, насыпать снежка, а реалистичность этой бутафории придать с помощью компьютера. Сейчас почти все так делают!

– Денег на ваше проживание госпоже Рэдрок не жалко, – улыбнулась Ольга. – У нее их много. Слишком много...

– Слишком много денег не бывает, – глубокомысленно заметила Дуда.

– Я тоже раньше так думала, пока не стала работать на Элену Рэдрок. Теперь я знаю – большие деньги счастья не приносят. Они мешают жить...

– Пусть то, что ей мешает, она отдаст мне! – захохотал Ганди. – Ну, на худой конец, голодающим детям Африки!

– Элена постоянно жертвует на благотворительность, но даже осознание того, что она помогает людям, не делает ее счастливее.

– Кто-нибудь понял, к чему она клонит? – выкрикнула Матильда.

– Я поняла, – не оборачиваясь, ответила Эва. – Ольга хочет сказать, что привыкшая к тому, что все можно купить, Элена не может поверить в то, что любовь, счастье, спокойствие, безмятежность не продаются... – Она покосилась на Ольгу и, уловив едва заметный кивок, продолжила: – Она тратит деньги на драгоценности, дома, мужчин, благотворительность только затем, чтобы всколыхнуть в себе какие-то радостные чувства. Но ничего, кроме разочарования, не испытывает. Ей смертельно скучно, ребята, скучно и одиноко. И, пригласив нас к себе в дом, она в очередной раз пытается *себя* развлечь, подарив *себе* новые впечатления...

– Выходит, мы как труппа цирковых артистов! – продол-

жал скалиться Ганди. – А ты, Дуська, у нас за Куклачева! Вон у тебя и кошка есть!

Все засмеялись над его шуткой, даже мнимая дрессировщица, только Ольга осталась серьезной, она посмотрела Эве в глаза и тихо сказала:

– Не судите ее строго. Она на самом деле очень одинока... Мы с Антоном – единственные близкие ей люди.

– У нее что, нет родственников, друзей?

– Никого. Вот она и приглашает к себе в гости то артистов, то певцов, то художников... – Она перевела взгляд с лица Эвы на точеный профиль Антона и с непонятной тоской протянула: – Елена немолода и не очень здорова, поэтому у нее не так много возможностей развлечься. Ни мужчины, ни экстремальные виды спорта для этого уже не подходят...

– Почему ты не скажешь ей *всю* правду? – прервал ее речь Антон.

– О чем ты?

– О главной причине, по которой наша хозяйка заманила всех к себе...

– Я не понимаю вас, – чуть испуганно протянула Эва, которой слово «заманила» резануло слух.

– Ей нужны именно вы. – Он повернул свою скульптурную голову в Эвину сторону и улыбнулся, не разжимая губ. – Елена ваша горячая поклонница. Она следит за всеми вашими успехами. Коллекционирует ваши портреты. В доме больше ваших фотографий, чем самой хозяйки... Так что не удив-

ляйтесь!

– Ваша хозяйка случайно не лесбо? – влезла в разговор Дуда.

– Нет, что вы! – горячо воскликнула Ольга. – Елена нормальная женщина...

– Но-но! – встрепенулась активная лесбиянка Томочка. – Прошу не разделять женщин на нормальных и ненормальных по половым предпочтениям!

– Извините, я не хотела никого обидеть, – совсем растерялась Ольга. – Я просто имела в виду, что Елена предпочитает мужчин. Вернее, предпочитала, когда была моложе... У нее и муж был, но он умер в прошлом году...

– От чего? – любопытствовала Дуда.

– От инсульта.

Пока шел диалог, Эва смотрела в окно. Сначала ничего интересного не было – только ставший уже привычным горный пейзаж, но, когда машина свернула за высокий, поросший редким голым кустарником валун, картина изменилась. На ровной круглой поляне, заключенной в объятия серых скал, стоял уютный двухэтажный домик, похожий со своей остроконечной крышей на швейцарское шале. Приглядевшись, Эва поняла, что строение имеет не два этажа, а больше, просто нижние скрыты под снегом, укутавшим его со всех сторон.

– Это та самая гостиница, которую засыпало? – спросила Эва у Антона.

– Да.

– Сколько ж в ней этажей?

– Четыре. – Он оторвал руку от руля и указал на стогообразный сугроб рядом с гостиницей. – А это крытый бассейн. Его полностью засыпало. Как и гараж, и беседки, и мосточек через искусственное озеро...

– Оно никогда не замерзало, представляете? – ностальгически вздохнула Ольга. – Воду в нем специально подогревали, чтоб она не покрывалась льдом, и видно было русалок...

– Настоящих? – ахнула наивная Ладочка.

– Пластмассовых. Но они были так искусно сделаны, что выглядели как живые... Да еще светились в темноте. – Она тронула Эву за руку, обращая ее внимание на очередное строение, появившееся в поле зрения. – А это база проката снегокатов, снегоходов, дельтапланов и прочих экстремальных радостей. Она в отличие от гостиницы совсем не пострадала.

– А там что? – спросила Эва, указав туда, где по горному склону были разбросаны небольшие, похожие все на те же шале домики. Издалека они напоминали скворечники.

– Турбаза.

Но Эва уже сама поняла это, так как увидела столбы канатной дороги с разорванными проводами, поднимавшиеся по склону вверх и терявшиеся за одной из вершин.

– На какую высоту можно было подняться? – поинтересовалась она.

– Более двух тысяч метров. Там снег даже летом...

– Ой, смотрите, какая прелесть! – раздался умильный возглас Ники. – Снеговик!

Эва тоже обратила на него внимание. Огромный, высотой в два человеческих роста, снеговик стоял у узорчатых арочных ворот, за которыми блестел лед катка. На голове вместо ведерка у него был золотистый цилиндр, на шее гирлянда, а к шару, изображающему туловище, приделана табличка «Работаем круглосуточно! Коньки любых размеров!».

– Долго еще до дома? – спросила Эва, которую вид одинокого снеговика окончательно привел в тоскливое расположение духа.

– Уже почти приехали. – Ольга обернулась к остальным. – Не пропустите момента, господа. Сейчас вы увидите дом госпожи Рэдрок. Обещаю вам незабываемое зрелище!

Все недоверчиво захмыкали. Каждый из пассажиров не раз бывал в богатых особняках, некоторые в них даже жили, поэтому удивить их роскошью было крайне трудно. Эва же, обитавшая в элитном коттеджном поселке на Рублево-Успенском шоссе, просто перестала замечать красоты архитектурных ансамблей, но когда из-за поворота выплыл дом Элены Рэдрок, она едва не задохнулась от восторга...

Ольга не соврала: это был дворец. Чем-то похожий на знаменитый замок Нойшванштайн – главную достопримечательность Баварии, так поразивший самого Диснея, что он поместил его изображение на эмблему своей компании. Те

же изящные башенки, те же галереи, те же мостики, те же зубчатые стены. Только тот был из светлого камня, а этот из красного. Но поразила Эву не столько красота самого строения, сколько необычность скалы, у подножия которой оно было выстроено. Дело в том, что она была не привычной серой, а под цвет строительного кирпича – красной. Из-за этого казалось, что дворец вырезан самой природой из куска этой скалы и является ее частью. Эва даже поймала себя на мысли, что башни напоминают сталагмиты, виденные ею в Афонских пещерах, а зубчатая стена – каскад подземного ручья.

– Их краской, что ли, подкрасили? – первой справилась с приступом восхищения Дуда.

– Нет, это настоящий красный песчаник, – живо откликнулась Ольга. – Его привезли специально для госпожи Рэд-рок из поселения Маоба, это неподалеку от Солт-Лейк-Сити.

– На «Боинге»?

– Нет, конечно. На самом деле его тут не так уж много. Это только кажется, что красная скала монолитная, а вообще ее собрали из кусочков, причем внутри обычная серая порода, которую вы бы обязательно заметили, если бы в тех местах, где она проглядывает, не были высажены вечнозеленые кустарники. Одним словом, эта скала всего лишь искусная подделка. Но, согласитесь, ландшафтный дизайнер, сотворивший ее, гений!

Все были полностью согласны с Ольгой, о чем не замедли-

ли ей сообщить. Только Ганди, как всегда, не смог сдержать своей язвительности.

– Какие понты, господа! – фыркнул он. – Даю голову на отсечение, что цвет выбран не случайно!

– Уж конечно, не случайно, – поддакнула Ларифан.

– Вы о чем? – не поняла Дуда.

– Фамилия хозяйки этого замка Рэдрок. Если разбить ее на слоги, получается «рэд» и «рок». По-английски «red» – красный, а «rock» – скала. Усекла?

– Получается – красная скала! – наконец озарило Дуду. – Бли-и-ин, круто!

Ольга бросила через плечо:

– Мы шутя называем госпожу Рэдрок Хозяйкой Медной горы. У нее и каменный цветок есть...

Незнакомая с произведениями Бажова Дуда переспросила:

– Чего есть?

– Удивительной красоты фонтан, изготовленный из камня, мрамора, гранита, отделанный золотом и серебром. Он имеет форму цветка, по листьям которого бежит вода. Когда в помещении темно, он, подсвеченный изнутри, смотрится как настоящий...

– И всю эту красоту вы тут бросите? Оставив на разграбление местным?

– Все ценности из дома будут вывезены. В том числе фонтан.

– Но стены-то не увезешь! У нас в стране, если вы не знаете, тащат все! Двери, рамы, паркет...

– Здесь такого нет.

– Мы что, не в России?

– В «Горный хрусталь» очень трудно добираться. Ради рам и паркета никто не пустится в дальнюю и рискованную дорогу. А жители Зеленого тут ничего не тронут, поскольку заинтересованы в том, чтобы комплекс вновь заработал, – они тут чуть ли не всем поселком трудились. Кто горничными, кто уборщиками, кто сантехниками, кто охранниками. Последние, между прочим, до сих пор числятся в «Горном хрустале», так как периодически осматривают территорию и не пускают на дорогу, ведущую к комплексу, чужаков. Вы просто не видели, но между поселком и аэропортом есть КПП со шлагбаумом. Его, конечно, можно объехать, но это очень рискованно...

– Какое счастье, что кто-то все-таки нас охраняет! – обрадовалась Дуда, а заметив, что машина перестала двигаться, обрадовалась еще больше: – Неужто приехали?

– Приехали, – согласно кивнула Ольга. – Можете выходить! – И первой спрыгнула на землю.

За ней из машины выбралась Эва. Остальные, крича, чертыхаясь, постанывая, выкарабкались следом.

Дворец «Красная скала» вблизи показался всем огромным и немного пугающим, зато сама скала не так впечатляла – стали заметны стыки между кусками песчаника, а серая

порода проглядывала даже через зелень кустов.

– Лучше бы красной водоэмульсионкой горы покрасили, – шепнула Эдуарда Эве на ухо. – И дешевле, и долговечнее...

Тем временем Ольга, прошедшая по выложенной камнем дорожке к крыльцу, остановилась у ступеней, чтобы подождать всех. Когда подтянулись самые нерасторопные, она радостно воскликнула:

– Добро пожаловать, господа, в «Красную скалу»! – И, взбежав по ступеням, распахнула тяжелые двустворчатые двери. – Милости просим!

* * *

Гости «Красной скалы», устав восхищаться роскошью обстановки, расселись по диванам в гостиной. Посмотреть они успели только библиотеку, столовую, кинозал и бильярдную, но и этого было достаточно, чтобы понять – Ольга не соврала, дом Элены Рэдрок больше походил на дворец, чем на загородный особняк. Все в нем поражало богатством и королевским шиком. Пол мраморный, лестничные перила малахитовые, дверные ручки золоченые, а сами двери из палисандра с инкрустацией.

Пока гости бродили по залам, Антон успел выгрузить их вещи и уехать за техникой. Ольга же поднялась в комнату хозяйки, которая почему-то не вышла их встретить, предварительно показав, где в этом доме находится бар. Все тут же

ринулись наполнять бокалы, а наполнив их, осели в гостинной.

– Ну что, народ, когда приступим? – азартно выкрикнул Ганди, залпом выпив стакан виски. – Я бы прямо сейчас начал, чтобы времени не терять!

– А отдохнуть? – закапризничала его ассистентка.

– На том свете отдыхать будешь! – Он вскочил, подлетел к бару, взял бутылку и вернулся с ней на диван. – У меня грандиозные планы, ребята! Мы все переделаем. Весь сценарий! – Он свинтил крышку и под веселое позвякивание колокольчиков ополовинил бутылку. – Я как увидел этого снеговика, понял, каким должен быть ролик! Меня как осенило, блин! – Ганди вскочил и, бешено жестикулируя, затараторил: – Земля вымерла! Ни души! Города брошены! Только снег везде... Показываем гостиницу, турбазу, снеговика обязательно, хорошо бы пруд... Только чтоб русалочки светились, но это мы на компьютере сделаем... И вот среди этого белого безмолвия легкий скрежет... Вжик-вжик. Вжик-вжик... Потом кадр. Лед расчерчивает след конька. Опять вжик-вжик. Стройная женская ножка, вторая. Затем тело, голова. Это Эва. Она катается на коньках...

– Я не умею кататься на коньках, – резко оборвала его Эва, которой идея Ганди не понравилась с самого начала – изображать из себя единственную выжившую землянку ей не хотелось.

– Ничего. Ноги снимем Ларискины, она умеет кататься...

Нам ведь главное твое лицо!

– Главное, показать товар лицом! – оборвал его рассуждения Пол. – А я так и не пойму, как ты в этом ролике собрался прорекламировать продукцию «Даров Севера».

– Эва будет в шубке. Шубке от «Даров Севера»!

– Ерунда какая-то! – сердито буркнул Аполлон. – Депрессняк! А ролик должен быть позитивным! К тому же на вымершей земле нет места слуге-якуту, которого я должен сыграть...

– Для тебя в моем клипе точно роли не найдется, а вот мальчишечке-охраннику я поручу изобразить падшего ангела! Или ангела смерти! У него такая пробирающая до костей холодная красота... – Ганди, впавший в творческий раж, уже не мог сдерживаться – он вскочил и ринулся к двери с криком: – Съемки начинаем немедленно!

Все, наскоро допивая, начали подниматься с диванов, одна Эва не двинулась с места. Глядя на нее, Дуда тоже вернулась на свою позицию.

– До обеда я работать не буду, – холодно бросила Эва вслед удаляющемуся Ганди. – Мне нужно отдохнуть и привести себя в порядок.

Ее возглас заставил Ганди остановиться и обернуться. На его лице читалось удивленное недоумение. Казалось, он не поверил своим ушам.

– К тому же мне больше нравится старый вариант сценария, – добавила Эва. – И его, между прочим, одобрила хо-

зьяйка фирмы, так что, если ты хочешь снять другой ролик, согласуй это с Эленой Рэдрок...

– Как скажешь, дорогая! – зло выкрикнул Ганди. – Но для начала мне хотелось бы ее увидеть!

– Нам тоже, – примирительно улыбнулась Дуда. Ее саму немного коробили звездные Эвины взбрыки. – А то как-то нехорошо получается с ее стороны. Негостеприимно.

Тут со стороны холла донесся стук каблучков – это Ольга цокала по мрамору пола, возвращаясь из спальни хозяйки.

– Друзья, простите, что задержалась, – выпалила она, показавшись в дверях гостиной. – Пришлось давать Элене лекарство...

– Она заболела? – тут же поинтересовалась Ладочка – она была чрезвычайно участливым человеком.

– Нет, просто плохо себя чувствует. У нее давление... И сильная слабость по утрам. – Ольга развела руками. – Так что знакомство с Хозяйкой Медной горы придется отложить до обеда. Сейчас ей нужно полежать, пока лекарство не подействовало... – Она бодро улыбнулась. – Но в час дня милости прошу в столовую на торжественный обед по случаю вашего приезда! Элена очень рада вас принимать у себя...

– На обед бутерброды и замороженные овощи? – съязвил Ключ.

– О нет! Шашлык из свинины, осетрины, баранины и всего, чего пожелаете. Его приготовит нам Антон, когда вернется. А пока я сделаю пару салатов. Отварю креветки, нарежу

фруктов...

– Вино не забудь откупорить!

– Обязательно. – Она хлопнула в ладоши. – А теперь я покажу вам ваши комнаты. Пойдемте!

* * *

Эвина комната располагалась в одной из башен. Была она такой же роскошной, как и все в этом доме, но в отличие от большинства помещений очень светлой. А все потому, что окон здесь было целых три – два готически узких и одно огромное, во всю стену. Из него открывался фантастический вид на горы.

– Вам нравится? – спросила Ольга у застывшей у окна Эвы.

– Бесподобно! – искренне восхитилась та. – Кажется, что паришь над пропастью...

– Я о комнате.

Эва развернулась, окинула взглядом огромную спальню, отметила безукоризненность обстановки, удобство расположения мебели, наличие кондиционера, плазменного телевизора и двери в уборную. Определенно, жаловаться было не на что.

– Все замечательно, – заверила она Ольгу. – Только портрет этот... – Она скосила глаза на застекленную фотографию, висевшую над ампирным столиком из красного дерева.

На ней была запечатлена она сама, и запечатлена давно, еще в годы, когда ее снимал один И-Кей. – Зачем?

– Елена попросила его повесить. Он тут уже два года. С момента постройки дома. – Ольга подошла к портрету, поправила его. – У нас много ваших фотографий, но Антон вам уже об этом говорил. – Она шагнула к окну и, указав на золотистый шнур с кисточкой, сказала: – Если свет мешает, можете задвинуть шторы. В том случае, если с кровати встать не хочется, воспользуйтесь пультом. Он на прикроватной тумбочке.

Эва посмотрела на пузатенькую тумбочку у изголовья королевской кровати и заметила на ней сразу несколько пультов. Один, понятно, от телевизора, другой от кондиционера, третий от механизма, приводящего в движение шторы, но остальные два зачем, она не смогла сообразить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.